

Рубиновая книга

Автор:

[Керстин Гир](#)

Рубиновая книга

Керстин Гир

Таймлесс #1

Что бы вы делали, если бы вдруг оказались в прошлом?

Гвендолин Шеферд не задавалась этим вопросом, пока не узнала, что унаследовала от своей прапрабабушки ген путешественника во времени. И теперь ей предстоит каждый день переноситься в прошлое... и с каждым днём тайн и загадок становится всё больше и больше. Что такое Тайна Двенадцати, кто охотится на путешественников во времени в прошлом, и почему все вокруг думают, что она обладает какой-то «магией ворона»?..

Трилогия «Таймлесс» – бестселлер немецкой писательницы Керстин Гир – для читателей всех возрастов!

Керстин Гир

Timeless[1 - Timeless (англ.) – вневременный, вечный (прим. ред.)]. Рубиновая книга

Пролог

Гайд-парк, Лондон

8 апреля 1912

Она стояла на коленях и плакала, а он тем временем судорожно оглядывался по сторонам. Как он и предполагал, парк в это время суток был совершенно пуст. Утренние пробежки в моду пока не вошли, а для бродяг, которые ночуют на лавочках, скромно прикрывшись газеткой, было ещё слишком холодно.

Он осторожно завернул хронограф в платок и положил его в рюкзак.

Она опустилась на сиренево-жёлтый ковёр из отцветших крокусов и прислонилась спиной к одному из деревьев, украшавших северный берег озера Серпентин.

Плечи её сотрясались от рыданий. Этот безутешный плач был похож на стон зверя, попавшего в ловушку.

Ему было невыносимо тяжело видеть её в таком состоянии. Но он уже успел убедиться, что самое разумное – это оставить её в покое. Поэтому он просто присел рядом на траву, влажную от утренней росы, окинул взглядом гладкую как стекло поверхность воды и стал ждать.

Он ждал, когда её боль притупится. Но сердце подсказывало ему, что эта боль останется с ней навсегда.

Он чувствовал себя таким же несчастным, но изо всех сил пытался этого не показывать.

Не стоит ей сейчас тревожиться ещё и о нём.

– А бумажные платочки уже изобрели? – наконец пробормотала она и подняла на него своё заплаканное лицо.

– Не знаю, – сказал он. – Могу предложить тебе настоящий шёлковый платок, с оборками и монограммой. В духе времени.

– «Г.М.». Ты что, украл его у Грейс?

– Она сама мне дала. Можешь сморкаться, сколько хочешь, принцесса.

Когда она возвращала ему платок, на её лице появилась слабая улыбка.

– Кажется, теперь его придётся выбросить. Прости.

– Да ну, перестань. В этом времени платок можно высушить на солнышке и потом использовать ещё раз, – сказал он. – Главное, что ты больше не плачешь.

На глаза ей снова навернулись слёзы.

– Мы не должны были оставлять её в беде! Мы нужны ей! Мы не знаем, сработал ли наш план, и у нас нет никакой возможности проверить это.

Её слова больно ранили его.

– Мёртвыми мы бы ей точно негодились.

– Наверное, мы могли бы скрываться с ней за границей, под чужими именами. Пока она не подрастёт...

Он прервал её тираду и обречённо покачал головой.

– Они бы нашли нас где угодно. Мы ведь обсуждали это с тобой уже тысячу раз. Мы не бросили её в беде, мы сделали единственно правильный выбор: мы помогли ей пожить некоторое время в безопасности. Хотя бы до шестнадцати лет.

Она молча посмотрела на него. Где-то вдалеке послышался цокот копыт, со стороны дороги донеслись голоса, хотя вокруг было ещё совсем темно.

– Я знаю, что ты прав, – сказала она наконец. – Но мне так больно осознавать, что мы её никогда больше не увидим, – она вытерла слёзы.

– По крайней мере, скучать нам не придётся. Рано или поздно они разыщут нас в этом времени и пришлют за нами хранителей. Он так просто не сдастся и не уступит нам хронограф.

В её глазах блеснула жажда приключений. Он заметил это и слабо улыбнулся: значит, теперь она понемногу успокоится.

– А вдруг нам всё-таки удалось его провести, или, может, тот второй экземпляр выйдет из строя. Тогда он останется ни с чем.

– Да, хорошо бы. Но если этого не случится, то мы будем единственными, кто сможет ему помешать.

– И потому мы поступили правильно.

Он встал и отряхнул джинсы от травы и грязи.

– А сейчас нам пора. Тут так мокро, а ты совсем себя не бережёшь, – он помог ей подняться и нежно её поцеловал.

– Что будем делать? Поищем укрытие для хронографа?

Она нерешительно перевела взгляд на мост, который отделял Гайд-парк от Кенсингтон-гарден.

– Да. Но сначала мы найдём тайник хранителей и заберём деньги. Тогда мы сможем купить билет до Саутгемптона. Оттуда в среду отправляется «Титаник».

Она засмеялась.

– Вот, значит, как я должна себя беречь! Ну что ж, поехали!

Он был так счастлив снова слышать её смех, что не мог удержаться от нового поцелуя.

– Я тут подумал... Ты знаешь, что капитаны кораблей имеют право заключать браки, когда выходят в дальнее плавание? А, принцесса?

– Ты что, хочешь, чтобы мы поженились? На «Титанике»? Ты с ума сошёл!

– Но это же так романтично!

– Особенно айсберг – такая романтическая штучка, – она положила голову ему на грудь и спрятала лицо в его куртку. – Я так тебя люблю, – прошептала она.

– Ты выйдешь за меня замуж?

– Да, – сказала она, всё так же пряча лицо на его груди. – Но только если мы не поедem дальше Квинстауна.

– Готова к следующему приключению, принцесса?

– Если ты готов, то готова и я, – тихо сказала она.

Глава первая

Неконтролируемое путешествие во времени характеризуется следующими симптомами: за несколько минут, часов или даже дней до прыжка появляется чувство головокружения и тошноты, дрожь в ногах. Многие носители гена жалуются также на мигрень. Первый прыжок во времени – инициация – происходит на семнадцатом году жизни путешественника.

Хроники Хранителей, Том второй, Общие положения.

Впервые я почувствовала это в понедельник за обедом в школьной столовой. На миг в животе что-то сжалось, появилось такое чувство, будто я взрываю ввысь на американских горках. Это продолжалось лишь пару секунд, но их хватило, чтобы перевернуть прямо на школьную форму тарелку картофельного пюре с

подливкой. Вилка и ложка полетели на пол, а тарелку я едва успела подхватить.

– Всё равно еда сегодня такая мерзкая, как будто её с пола по тарелкам раскладывали, – пыталась меня утешить моя подруга Лесли пока я пыталась убрать за собой это безобразие. Ясное дело, вся столовая только на меня и глазела.

– Хочешь, можешь и мою порцию размазать по блузке.

– Нет уж, спасибо.

Школьная форма в Сент-Ленноксе как раз была такого цвета картофельного пюре, но пятно всё равно сразу бросалось в глаза. Я застегнула надетый поверх блузки голубой пиджак.

– Так-так, должно быть, малышка Гвенни снова забавляется со своим завтраком? – насмешливо протянула Синтия Дейл. – Только не вздумай садиться возле меня, грязнуля!

– Ну, конечно, Син! Так я рядом и сяду!

К сожалению, со мной в последнее время постоянно случаются всякие неприятные истории во время еды. Вот только на прошлой неделе фруктово-желе выплеснулось из формочки и приземлилось прямо на спагетти карбонара одного пятиклассника. Ещё неделю тому назад перевернулся мой вишнёвый сок, и у всех за столами был такой вид, будто они одновременно заразились корью. А как часто я окунала во всевозможные соки и соусы дурацкий галстук, который мы тоже обязаны носить – и не сосчитать.

Вот только голова при этом не кружилась ни разу. Хотя, может, просто показалось. Последнее время у нас дома слишком уж часто говорят о головокружениях. Но я тут не при чём, речь о моей кузине Шарлотте. Вот она сидит рядом с Синтией, как всегда страшно красивая и неприступная, занята своим картофельным пюре. Вся семья ждала, когда же у Шарлотты начнутся головокружения. Иногда леди Ариста, моя бабушка, теребила её каждые десять минут вопросом, не почувствовала ли Шарлотта себя как-нибудь необычно. В перерывах вступала моя тётушка Гленда, мама Шарлотты, и спрашивала точь-в-точь о том же. И каждый раз, когда Шарлотта отвечала, что с ней всё в порядке,

леди Ариста поджимала губы, а тётя Гленда вздыхала. Иногда наоборот: тётя поджимала губы, а вздыхала бабушка. Нам, остальным членам семьи – моей маме, сестре Кэролайн, брату Нику и бабушке Мэдди, – вся эта ситуация порядком надоела. Никто не спорит, любопытно, конечно, кому же из нашей семьи достался ген путешественника во времени, но с годами все уже заметно подустали от ожиданий. Весь этот балаган вокруг Шарлотты давно уже сидел в печёнках. Сама же она по обыкновению прятала свои чувства за таинственной улыбкой Моны Лизы. Я бы на её месте тоже не знала, радоваться или огорчаться, что это злосчастное головокружение никак не приходит. Хотя... нет, я бы радовалась. Я-то человек робкий, нерешительный. Люблю спокойствие.

– Рано или поздно время придёт, – каждый день повторяла леди Ариста. – Мы должны быть начеку!

Время пришло как раз после обеда, на уроке истории у мистера Уитмена. Ко всем бедам того дня в моём десерте – крыжовниковом компоте с ванильным пудингом – обнаружился чёрный волос, и я всё размышляла, из моей ли головы или из головы дежурной поварихи. За такими раздумьями аппетит сам собой улетучился.

Мистер Уитмен раздал нам результаты контрольной, которую мы писали на прошлой неделе. «Вы, определённо, хорошо подготовились, ребята. Особенно Шарлотта. Ты получаешь пять с плюсом!» Шарлотта откинула с лица волнистую рыжую прядь и вымолвила лишь скромное «Ах...», как будто такой результат был для неё хоть сколько-нибудь неожиданным. Везде и всегда оценки у Шарлотты были самыми лучшими.

Но на этот раз нам с Лесли тоже было чему порадоваться. У обеих стояла пятёрка с минусом, хотя наше «хорошо подготовились» заключалось в том, что мы посмотрели фильм про Елизавету с Кейт Бланшет, налегая при этом на мороженое и попкорн.

О да, к истории мы относились серьёзно, не то, что к остальным предметам.

Уроки мистера Уитмена были настолько интересными, что не оставалось ничего другого, кроме как внимательно слушать. Мистер Уитмен и сам был человеком особенным. Почти все девочки были тайно или явно в него влюблены. И наша учительница географии миссис Каунтер тоже была влюблена в мистера Уитмена.

Каждый раз, когда он проходил мимо, она краснела, как помидор. Но выглядел он так хорошо, что и не подступиться, в этом все были солидарны. То есть, все, кроме Лесли. Она считала, что мистер Уитмен похож на бельчонка из одного мультика. «Когда он смотрит на меня своими большими карими глазами, мне хочется покормить его орешками», – говорила она. Лесли даже перестала называть белочек из парка просто белочками, а величала их «мистеры Уитмены». Глупо, конечно, но эта привычка оказалась жутко заразной, и вскоре я сама пищала что-то вроде: «Гляди, вон ещё один толстый маленький мистер Уитмен, ой, какой миленький».

Вот из-за этой придумки с белками мы с Лесли и были, наверное, единственными девочками в классе, которые не сохли по мистеру Уитмену. Я всё пыталась уговорить себя тоже в него влюбиться, потому что все мальчишки из нашего класса были какими-то малявками, но в голове крепко засело это смешное сравнение с бельчком. Не питать же романтических чувств к белке! Синтия пустила сплетню, будто мистер Уитмен в свободное от преподавания время подрабатывает моделью. Вместо доказательства она потрясла вырезанной из журнала картинкой, на которой ослепительный мужчина, действительно немного похожий на мистера Уитмена, намыливался гелем для душа. Никто кроме Синтии не верил, что мистер Уитмен и есть тот самый мыльный супермен. У мужчины в рекламе есть ямочка на подбородке, а у нашего мистера Уитмена нет.

Мужская половина класса не разделяла девчачьих восторгов по поводу мистера Уитмена. Больше всех его не любил Гордон Гельдерман. До того как мистер Уитмен пришёл к нам в школу, все девчонки сохли как раз по этому Гордону. Должна признаться, что и я тоже. Но ведь мне тогда было всего одиннадцать, а Гордон был таким милашкой. Сейчас, в шестнадцать, он стал просто невыносимым. К тому же, у него затянулся период ломки голоса. Вот уже два года, как Гордон то блеет, то чирикает, но это ему, к сожалению, ничуть не мешает постоянно нести всякую ерунду.

Он ужасно разозлился, когда увидел свою двойку за контрольную.

– Мистер Уитмен, это дискриминация! Моя работа заслуживает как минимум четвёрки! Вы меня опять валите только из-за того, что я мальчик.

Мистер Уитмен снова забрал у Гордона его контрольную и прочёл всему классу: «Елизавета Первая была такой уродиной, что мужа себе подцепить не смогла.

Поэтому все называли её самой уродливой старой девой». Все захихикали.

– И что такого? Неправда, что ли? – защищался Гордон. – Ехидный взгляд, кривая улыбочка, глупая причёска.

Мы должны были основательно изучить картину с семейством Тюдор в Национальной Галерее, и надо признать, что с Кейт Бланшет у Елизаветы Первой не много общего. Но, во-первых, может быть, тонкие губы и длинные носы были тогда идеалом красоты, а во-вторых, одевалась она отлично. И в-третьих, хоть у Елизаветы Первой и правда не было мужа, но зато она постоянно крутила романы, среди её ухажёров был, например этот, как же его, сэр... ну... в фильме его играет Клайв Оуэн.

– Сама она называла себя самой юной из всех старых дев, – сказал мистер Уитмен Гордону. – Потому что... – он остановился. – Шарлотта, тебе плохо? Что случилось? Голова болит?

Все посмотрели на Шарлотту. Она сидела, подперев голову руками.

– Нет, не болит, просто... кружится, – она выразительно взглянула на меня, – всё переворачивается перед глазами.

Я глубоко вздохнула. И так, время пришло. Бабушка сейчас переполошилась бы ни на шутку. Хотя сначала, наверное, тётя Гленда.

– Вот круто, – прошептала Лесли. – Теперь она станет прозрачной? – несмотря на то, что леди Ариста с малых лет строго-настрога запрещала нам рассказывать кому бы то ни было о событиях, которые сопровождают нашу семью, я для себя решила, что в нашей дружбе с Лесли никаких тайн быть не может. Она же моя лучшая подруга, а лучшие подруги ничего друг от друга не скрывают. В первый раз за всё время нашего знакомства с Шарлоттой (то есть за всю мою жизнь) у неё был такой беспомощный вид. Но я знала, что делать. Тётя Гленда меня давно научила.

– Если можно, я отведу Шарлотту домой, – попросила я мистера Уитмена. Он всё ещё не сводил глаз с Шарлотты.

– Полагаю, это неплохая идея, Гвендолин. Выздоровливай скорее, Шарлотта! – пожелал он.

– Спасибо, – отозвалась Шарлотта. Она побрела к двери, немного пошатываясь. – Что же ты, Гвенни?

Я поспешила взять её под руку. Впервые мне довелось почувствовать себя хоть немного значимой персоной в жизни Шарлотты. Это было приятное чувство, для разнообразия можно было бы испытывать его и почаще.

– Обязательно позвонишь и всё расскажешь! – шепнула на прощанье Лесли.

Перед дверью беспомощность Шарлотты снова рассеялась. Она хотела ещё вытащить свои вещи из-под парты. Я крепко держала её под локоть.

– Оставь их, Шарлотта! Мы должны попасть домой как можно скорее! Леди Ариста сказала...

– Ой, кажется, прекратилось, – прошептала Шарлотта.

– Ну и что? Это всё равно может случиться в любой момент, – я потянула Шарлотту в другой конец класса. – Куда подевался этот кусок мела... – на ходу я шарила по карманам куртки. – Да вот же он. А вот и телефон. Позвонить домой? Ты что, боишься? Ох, прости, глупый вопрос. Просто я так волнуюсь...

– Да всё в порядке уже. Я не боюсь.

Я оглядела её со всех сторон, чтобы проверить, так ли это. Но Шарлотта нацепила свою маленькую, стеснительную улыбочку Моны Лизы, разглядеть за которой её чувства было совершенно нереально.

– Так мне домой позвонить?

– Ну и зачем? – ответила Шарлотта вопросом на вопрос.

– Я просто подумала...

- Позволь мне самой за себя подумать, а?

Мы спустились по лестнице до арки, где всегда сидел Джеймс. Он, завидев нас, сразу поднялся, но я лишь улыбнулась вместо приветствия. С Джеймсом дело обстояло следующим образом: никто, кроме меня, его не видел. Джеймс был привидением. Поэтому я предпочитала с ним не разговаривать в присутствии других людей.

Только при Лесли я делала исключение. Она ни секунды не сомневалась в его существовании. Лесли всегда мне верила, и это было одной из причин, почему она стала моей лучшей подругой. Она так расстраивалась, что не умеет видеть и слышать Джеймса. Я, в общем-то, была этому рада. Поскольку первое, что сказал Джеймс, увидев Лесли, было: «Боже праведный! У этого бедного ребёнка веснушек больше, чем звёзд на небе. Если она срочно не купит себе отбеливающий лосьон, то никогда не найдёт себе суженого!», «Спроси его, не закопал ли он, случайно, где-нибудь поблизости клад?» - первое, о чём спросила Лесли, когда я представила их друг другу. К сожалению, Джеймс никаких кладов не закапывал. И вообще, это его оскорбило. Ещё его оскорбляло, когда я проходила мимо, делая вид, что не вижу его. Джеймса вообще многое оскорбляло. «Он прозрачный? Или чёрно-белый?» - осведомилась Лесли при первой встрече. Да нет, всё в Джеймсе было совершенно обыкновенным. Кроме одежды, конечно.

- А ты можешь пройти сквозь него?

- Не знаю, не пробовала.

- Ну так попробуй! - предложила Лесли.

Но Джеймс как-то не горел желанием, чтобы кто-то сквозь него ходил.

- Что это ещё значит - «привидение»?! Никто не смеет унижать Джеймса Августа Перегрин Пимпелботтома, наследника четырнадцатого графа Хардстдейла. Никто, и маленькие девочки в том числе.

Как и многие другие привидения, он просто-напросто не хотел верить в то, что больше не был человеком. Даже при большом желании он не вспомнил бы того факта, что когда-то умер. Мы познакомились пять лет назад, в мой первый день

обучения в Сент-Ленноксе, но Джеймсу казалось, что всего несколько дней тому назад он играл в карты с друзьями и болтал о мушках и париках. (Он, кстати, носил и то, и другое, но выглядел вовсе не так ужасно, как может показаться из этого описания.) То, что за время нашего знакомства я подросла на двадцать сантиметров, мне поставили, а затем сняли брекеты, и у меня появилась грудь – всего этого Джеймс старательно не замечал.

Равно как и того обстоятельства, что дворец его отца давно уже стал частной школой с электричеством, водой и батареями. Единственное, что он, кажется, всё-таки замечал – это длину юбочек у воспитанниц школы. В его-то времена женские ножки увидеть было непросто.

– Не очень-то вежливо с вашей стороны, мисс Гвендолин, не поприветствовать господина, который по статусу намного выше вас! – крикнул он вслед, совсем ошарашенный от такого невнимания с моей стороны.

– Прости, но мы спешим, – сказала я.

– Если могу чем-нибудь быть полезен – извольте, я всегда к вашим услугам! – Джеймс поправил старомодные воланы на рукавах.

– Нет, большое спасибо. Нам просто нужно как можно скорей попасть домой.

Да уж, «к нашим услугам»! Джеймс сам и дверь-то открыть не мог, не то, чтобы другим помогать.

– Шарлотта плохо себя чувствует.

– О, как это печально, – Джеймс был равнодушен к Шарлотте. В отличие от «той невоспитанной веснушчатой», как он обычно называл Лесли, моя кузина казалась ему исключительно «обворожительной и грациозной». Сегодня он тоже отпустил парочку высокопарно-льстивых комплиментов. – Пожалуйста, вырази ей мои наилучшие пожелания. И передай, что сегодня она снова обворожительно выглядит. Светлый лик её немного бледноват, но загадочен, как у эльфийской принцессы.

– Я передам.

– Прекрати уже общаться со своим вымышленным другом! – сказала Шарлотта. – Так и в психушку загреметь недолго.

Ладно-ладно, ничего-то я ей не передам. Хватит уже задаваться.

– Джеймс не вымышленный, он просто невидимый. А это большая разница!

– Ну как знаешь, – пожала плечами Шарлотта.

Она и тётя Гленда считали, что я просто выдумала и Джеймса, и других духов, чтобы казаться значительней. Я уже жалела, что разболтала родственникам про привидений. Но когда я была совсем маленькой, то уж никак не могла смолчать. Особенно если железные фигурки, украшавшие водосточную трубу, подтягивались на крышу и строили мне оттуда рожи. Те ребята были, по крайней мере, весёлыми. А иногда вот встречались и мрачные создания, которых я, откровенно говоря, побаивалась. Прошло года два, прежде чем я поняла, что привидения не опасны для людей. Единственное, что они могли сделать, так это нагнать страху. Джеймс, конечно, такого не вытворял. Он был совершенно безобидным.

– Лесли думает – хорошо, что Джеймс умер молодым. С такой фамилией как у него – Пимпелботтом – жену он себе в жизни бы не нашёл. Ну кому захочется зваться Пимпелем? – Шарлотта нервно заёрзала. – Но выглядит он совсем неплохо, – продолжала я. – К тому же, если верить его словам, Джеймс страшно богат. Только некоторые привычки у него были немножко немужественные – постоянно прикрывал нос напысканным духами платочком, расшитым по последней моде.

– Как жаль, что никто кроме тебя не может им восхищаться, – сказала Шарлотта.

Да я и сама так думала.

– Ну и глупо же ты поступаешь, если рассказываешь про свои странные способности каждому встречному, – продолжала Шарлотта. Это был один из её типичных ударов ниже пояса. Он был рассчитан на то, чтобы задеть меня. И задел.

- Нет во мне ничего странного!

- Нет, есть!

- О себе подумай, ты - носитель гена!

- Я хоть не болтаю об этом где попало, - сказала Шарлотта. - А ты у нас наоборот, как чокнутая бабушка Мэдди. Она даже молочнику любит порассказать о своих видениях.

- Ты подлая, подлая!

- А ты наивная!

Пребираясь, мы бежали по вестибюлю мимо застеклённой кабинки нашего вахтёра, прочь со школьного двора. Дул сильный ветер, небо хмурилось так, будто вот-вот брызнет дождь. Я уже жалела, что мы не забрали вещи из-под парт. Пальтишко бы сейчас вовсе не помешало.

- Прости за это сравнение с бабушкой Мэдди, - сказала Шарлотта немного сдавленным голосом. - Волнуюсь немного.

Я была поражена. Она никогда раньше не извинялась.

- Понимаю, - быстро проговорила я, давая понять, что извинение принято. На самом деле, о понимании между нами не могло быть и речи. Я бы на её месте тряслась со страху. Сейчас я тоже волновалась, но не очень сильно - как, например, перед походом к стоматологу.

- Да и вообще, мне бабушка Мэдди нравится, - это была чистая правда. Бабуля Мэдди была порой чересчур болтливой, могла по четыре раза повторять одно и то же. Но мне такие странности были куда милее, чем дурацкая таинственность всех остальных. А ещё бабушка Мэдди всегда угощала нас леденцами. Лимонными. Но что Шарлотте до каких-то там леденцов! Мы перешли дорогу и побежали дальше.

– Ну не пялься ты так! Заметишь же, когда я исчезну. Тогда накорябаешь свой дурацкий крест мелом на бордюре и побежишь себе дальше домой. Но сегодня этого не случится, точно тебе говорю.

– Ты этого знать не можешь. Любопытно тебе, наверное, где ты окажешься? То есть, когда?

– Конечно, – сказала Шарлотта.

– Надеюсь, не в центре Великого Пожара 1664 года.

– Великий Лондонский пожар был в 1666, – сказала Шарлотта. – Ну как можно не запомнить такую лёгкую дату! Кроме того, эта часть города тогда была не очень-то застроена, следовательно, не могла и сгореть.

Я уже говорила, что Шарлотту ещё называли занудой и спойлером? Но я держалась спокойно. Это было, конечно, жестоко, но мне хотелось хоть на пару секунд стереть с её лица эту дурацкую улыбочку.

– Сдаётся мне, наша школьная форма отлично горит, – заметила я вскользь.

– Я знаю, что делать, – сказала Шарлотта, так и не улыбнувшись.

Я не могла не восхититься её хладнокровием. Уже от одной мысли о том, что скоро я могу очутиться где-то в прошлом, мне бы стало жутко. Всё равно в каком времени – в прошлом всегда кошмар творился. Всё время войны, чума, оспа, а скажешь что-то не то – сразу обзовут ведьмой и сожгут. Вместо туалетов – дырки, блохи у всех подряд, а по утрам каждый плюхал содержимое ночного горшка из окна прямо на улицу. И не важно, шёл там внизу кто или нет.

Шарлотту всю жизнь учили, как не растеряться в прошлом. У неё никогда не хватало времени на игры, подружек, походы по магазинам или на мальчишек. Вместо этого она занималась танцами, фехтованием и конным спортом, иностранными языками и историей. Начиная с прошлого года она стала, вдобавок ко всему, каждую среду после уроков уезжать с леди Аристой и тётёй Глендой неизвестно куда. Возвращались они только поздно вечером. Мои родственники называли это «занятия по тайноведению». Нас никто в

известность не ставил, какой там мистике обучали Шарлотту, даже она сама ничего не рассказывала.

Когда Шарлотта только научилась говорить, то наверное, первой её фразой было: «Это секрет!» А сразу за ней: «Это вас не касается». Лесли говорит, в нашей семье больше тайн, чем у секретных служб США и Великобритании, вместе взятых. Вполне возможно, что она права.

Обычно мы ехали домой на восьмом автобусе, он останавливался у Баркли-сквер, а от него до дома было совсем близко.

Сегодня мы пробежали эти четыре остановки пешком, как учила нас тётя Гленда. Я всё время держала наготове мел, но с Шарлоттой ничего особенного не происходило. Когда мы подошли к двери, я, можно сказать, почти разочаровалась. Моя миссия во всей истории на этом месте подходила к концу. За дело бралась бабушка.

Я дёрнула Шарлотту за рукав:

– Г л я д и, тот мужчина в чёрном снова здесь.

– И что с того? – Шарлотта даже не обернулась. Мужчина стоял прямо напротив, у входа в дом номер восемнадцать. Он был, как обычно, в чёрном пальто и шляпе, надвинутой на глаза. Я вообще-то долго считала его привидением, но потом заметила, что Лесли и мои родственники тоже видят чёрного человека. Последние месяцы он почти круглые сутки дежурил возле нашего дома. А может, это были несколько таких вот одинаковых дядек в чёрном. Все мы спорили, кто он: вор-налётчик, частный детектив или злой волшебник. Последняя версия принадлежит моей сестре Кэролайн. Ей девять лет и она обожает истории про злых волшебников и добрых фей. Моему брату Нику двенадцать, истории про волшебников и фей он терпеть не может, поэтому Ник был за версию с вором. Лесли и я отстаивали детектива. Каждый раз, когда мы хотели рассмотреть чёрного человека поближе, он либо быстро заходил в дом, либо садился в чёрный «Бентли», всегда припаркованный рядом, и уезжал.

«Это специальный сказкомобиль, – утверждала Кэролайн. – Когда никто не видит, он превращается в ворона. А волшебник становится малюсеньким человечком, седлает своего ворона и летит по воздуху».

Ник на всякий случай переписал номер чёрного «Бентли». «Хотя они, конечно, перекрашивают машину после того, как взламывают дом, и цепляют новый номер», – сказал он. Взрослые вели себя так, словно не было ровным счётом ничего подозрительного в том, что чёрный следил за ними днём и ночью. Шарлотта, собственно, тоже: «Ну что вы пристали к бедному мужчине! Курит себе спокойно, вот и всё». Да уж, конечно! Я скорее поверила бы в волшебного ворона.

Пошёл дождь, чего и следовало ожидать.

– Ну хоть голова-то кружится? – спросила я, ожидая, пока кто-нибудь нам откроет. Ключа от дома у нас не было.

– Не действуй мне на нервы, – сказала Шарлотта. – Это случится, когда случится.

Нам открыл мистер Бернхард. Лесли считала мистера Бернхарда, нашего швейцара, окончательным доказательством того, что мы почти такие же богатые, как группа «Queen» или Мадонна.

Я и сама толком не знала, кем был мистер Бернхард. Для мамы он был «бабушкиной правой рукой», а бабушка называла его «старый друг нашей семьи». Для нас, детей, он был просто противным слугой леди Аристы. Увидев нас, он удивлённо приподнял бровь.

– Привет, мистер Бернхард! – сказала я. – Кошмарная погода, не правда ли?

– Абсолютно кошмарная.

Пенсне в золотой оправе на крючковатом носу, большие карие глаза – своей внешностью мистер Бернхард напоминал мне сову, точнее, филина.

– Следует надеть пальто, если выходишь из дому в холодную погоду.

– Ээ... да-да, конечно, – согласилась я.

– Где леди Ариста? – спросила Шарлотта. Она никогда особо не церемонилась с мистером Бернхардом. Наверное, потому что Шарлотта, в отличие от нас, ещё ребёнком не слишком его уважала. Хотя у нашего мистера Бернхарда и была черта, которая могла внушить уважение кому угодно. Он умел появляться из ниоткуда и тихо стоять у тебя за спиной. Двигался по дому он бесшумно, словно кошка. Ничто, кажется, от него не ускользало: в любое время, что бы ни случилось, мистер Бернхард всегда был на месте событий. Появился в доме он задолго до моего рождения, а мама рассказывала, что помнит его ещё со времён, когда сама была маленькой. Потому мистеру Бернхарду, наверное, было столько же лет, сколько и леди Аристе, хоть он и не выглядел таким старым. Жил он в комнате на третьем этаже. Туда можно было попасть по отдельной лестнице с бокового коридора. Нам запрещалось даже заходить в этот дополнительный коридор. Мой брат был уверен, что мистер Бернхард оставил там открытые люки и прочие ужасные ловушки, чтобы только остановить нежелательных посетителей. Но доказать этого он не мог. Никто из нас ни разу в жизни не решился на то, чтобы переступить порог коридора.

– Мистеру Бернхарду необходимо личное пространство, – часто повторяла леди Ариста.

– Да-да, каждому из нас оно тоже не помешает, – говорила моя мама. Но говорила так тихо, что леди Ариста её не слышала.

– Ваша бабушка в музыкальной комнате! – доложил мистер Бернхард Шарлотте.

– Спасибо! – Шарлотта оставила нас у порога и бросилась по лестнице вверх. Музыкальная комната находилась на втором этаже, и никто толком не знал, почему она так называется. Там ведь даже пианино не было. Это была любимая комната леди Аристы и бабушки Мэдди. Там всегда пахло фиалковыми духами бабушки Мэдди и дымом от тонких сигарет леди Аристы. Проветривали там редко. Если долго находиться в этой комнате, то непременно начинало тошнить.

Мистер Бернхард закрыл входную дверь. Напоследок я успела ещё раз поглядеть на другой конец улицы. Мужчина в шляпе всё ещё был там. Ой, что это? Мне показалось, или он действительно поднял руку, как будто помахал кому-то. Может, мистеру Бернхарду? Или даже мне самой?

Дверь захлопнулась, и я не стала дальше развивать свои догадки. В животе вдруг снова всё сжалось, а в голове закружилось, как будто я катаюсь на американских горках. Перед глазами было темно. Колени задрожали, и пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть.

В следующий момент всё уже снова было в порядке. Сердце бешено колотилось. Что-то со мной было не так. Странно всё же чувствовать себя как на американских горках, не катаясь при этом на них, и так уже два раза за два часа. Похоже, однако, на... что за бред! Наверное, я начала чересчур быстро расти. Или у меня случилась... э-э-э... опухоль головного мозга? Или просто есть захотелось? Точно! Я ведь не обедала даже, моя порция украсила школьную блузку. У-ух, ура! Вдруг я заметила, что мистер Бернхард внимательно изучает меня своими совиными глазами.

– Ай-яй-яй! – сказал он после долгой паузы. Я почувствовала, что краснею.

– Ну, я пошла... домашнее задание делать, – пробурчала я.

Мистер Бернхард кивнул, вид у него был совершенно безразличный. Но, поднимаясь по лестнице, я чувствовала спиной его взгляд.

Глава вторая

Хроники Хранителей 10 октября 1994

Еду обратно из Дархема, где я навестил младшую дочь лорда Монтроуза Грейс Шепард. Позавчера произошло счастливое событие: на свет появилась её дочь, Гвендолин София Элизабет Шеферд, 2460 г, 52 см.

Мать и дитя чувствуют себя хорошо. Спешу поздравить нашего Мастера с рождением пятого внука.

Отчёт: Томас Джордж, Внутренний Круг.

Лесли называла наш дом «почти дворец» из-за того, что в нём было много комнат, картин, резных шкафов и антиквариата. За каждой стеной она подозревала тайный ход, а в каждом шкафу – хоть один тайный ящичек. Когда мы были поменьше, то устраивали по всему дому исследовательские экспедиции. Рыскать здесь строго воспрещалось, и оттого каждый поход становился настоящим приключением. Чтобы нас никто не засёк, мы каждый раз придумывали всё новые хитрости.

Вскоре мы действительно нашли несколько потайных шкафчиков и даже одну потайную дверь. Она была спрятана на лестничном пролёте за картиной, написанной маслом. На картине был изображён какой-то толстяк с бородой и обнажённой шпагой, он сидел на коне и хмуро глядел вдаль.

Я навела справки насчёт этого угрюмца у бабушки Мэдди. По её версии, это был мой двоюродный пра-пра-пра-пра-прадедушка Хью и его пегая кобыла, которую звали Толст у ш ка Энни. Дверь за картиной вела всего лишь на пару ступенек вверх, в ванную. Но она всё равно была по-настоящему потайной!

– Вот это тебе повезло! Живёшь в таком месте! – всегда говорила Лесли.

Мне же, напротив, казалось, что из нас двоих больше повезло ей. Лесли жила с мамой, папой и лохматым псом Берти в уютном типовом домике в Норд Кенсингтоне. Там-то уж точно не было ни тайн, ни загадочных слуг, ни родственников, которые действуют на нервы.

Раньше мы и сами жили в таком доме, мы – это мои мама, папа, брат с сестрой и я. У нас был маленький домик в Дархеме, на севере Англии. Но потом папа умер. Моей сестре едва исполнилось полгода, и мама решила на переезд в Лондон, наверное, ей было очень уж одиноко. Или, может, не хватало денег.

В этом доме мама выросла. Вместе с братом и сестрой, Гарри и Глендой. Дядя Гарри единственный из всей семьи не переехал в Лондон, он с женой поселился в Глосестершире.

Сначала дом показался мне похожим на дворец. Лесли тоже так думала. Но если проживать во дворцах с большой семьёй, то через некоторое время эти дворцы перестают казаться огромными. Особенно легко искать новое применение лишним комнатам. Например, бальный зал на первом этаже, который тянулся

через весь дворец, – в нём прекрасно можно было бы кататься на скейте. Но это запрещено. Это было прекрасное помещение с высокими окнами, гипсовой лепниной и большими люстрами, но ни разу в жизни я не видела, чтобы в этом зале действительно устраивали бал, даже большой праздник, даже вечеринку.

Единственное, что там проводилось – это уроки танцев и фехтования для Шарлотты. В зале была даже оркестровая яма, к ней вела отдельная лесенка. Яма была, конечно, страшно нужным атрибутом, необходимым в современной жизни как рыбке зонтик. Ну, разве что Кэролайн с подружками иногда прятались в тёмных закоулках на лестнице, когда играли в прятки.

На втором этаже располагались вышеупомянутая музыкальная комната, покои леди Аристы и бабушки Мэдди, ванная (та самая, с потайной дверью) и столовая, где каждый день в половине восьмого вся семья должна была собираться на ужин. Между столовой и кухней, которая находилась точно под ней, был встроен старомодный лифт для подачи еды. Ник и Кэролайн иногда тягали друг дружку вверх-вниз с помощью этого приспособления, хотя делать это, конечно же, запрещалось. Раньше мы с Лесли тоже частенько катались таким способом, но уже давно перестали помещаться в кабинку.

На втором этаже находилась комната мистера Бернхарда, кабинет моего умершего дедушки – лорда Монтроуза – и огромная библиотека. На этом этаже располагалась ещё комната Шарлотты. Она находилась в самом углу, и при ней был балкон, Шарлотта не упускала случая им похвастаться. Её мама жила в гостиной и спальне с окнами на улицу.

С папой Шарлотты тётя Гленда была в разводе, он жил с новой женой где-то в Кенте. Поэтому кроме мистера Бернхарда мужчин в доме не было, брата я не считаю. Домашних животных тоже не было, хотя мы просили разрешения завести кого-нибудь. Леди Ариста не любила животных, а у тёти Гленды вообще была аллергия на всё, что покрыто шерстью.

Моя мама, брат, сестра и я, – мы жили на третьем этаже, прямо под крышей. Это были помещения с косыми стенами и двумя маленькими балконами. У каждого из нас была своя комната. А нашей большой ванной комнате Шарлотта вообще завидовала, потому что у них там, на втором этаже, ванная была без окон. А в нашей – целых два. Но мне наш этаж так нравился, потому что здесь мы – мама, Кэролайн, Ник, и я – могли отделиться от этого дурдома. Иногда время, проведённое здесь, казалось настоящим спасением.

Единственное неудобство – мы находились непростительно далеко от кухни, и вот сейчас эта мысль снова пришла мне в голову, когда я поднялась в швейную комнату. Надо было хоть яблочко захватить. Пришлось довольствоваться сливочным печеньем, его наша предусмотрительная мама держала на полке в кладовой.

От страха, что головокружение начнётся снова, я проглотила одиннадцать печенек одну за другой. Я сняла обувь и куртку, плюхнулась на диван и постаралась устроиться поудобней.

Сегодня творилось что-то странное. Вернее, ещё более странное, чем обычно. Было всего два часа дня, а значит, должно пройти ещё около двух с половиной часов, прежде чем я могла бы позвонить Лесли и пожаловаться на свои проблемы. Брат с сестрой не вернутся из школы раньше четырёх, да и мама заканчивает работать около пяти. Обычно мне нравилось оставаться дома одной. Можно было спокойно принять ванну, не дёргаясь, что кто-то будет стучать в дверь и срочно-срочно проситься в туалет. Можно было на полную врубить музыку и громко подпевать, никого не стесняясь. Можно было посмотреть по телевизору то, чего хотелось именно мне, а не вечного «Губку Боба Квадратные Штаны».

Но сегодня как-то ничего не радовало. Даже немножко отдохнуть, и то не получалось. Наоборот, наш диван, место, где всегда было так уютно, казался шаткой доской посреди бурной реки. Только закроешь глаза, как её зашвырнёт в опасный водоворот.

Чтобы немного отвлечься, я встала и попыталась прибраться в швейной. Эта комната была чем-то вроде нашей неофициальной гостиной. Ни тётя, ни бабушка, к счастью, шить не любили, поэтому появлялись у нас на третьем этаже крайне редко. Да и швейной машинки в комнате не было. Зато там стояла узенькая стремянка трубочиста, которая вела на крышу. Крышу мы с Лесли облюбовали для наших тайных посиделок. Оттуда сверху открывался совершенно восхитительный вид, а лучшего местечка для девчачьих секретов и не придумаешь. (Например, тайна о наших мальчишках: что мы с Лесли не знаем ни одного, в которого стоило бы влюбиться.)

Конечно, сидеть там было немного опасно: никакой ровной площадки, только покатые бока крыши из листов железа с солнечной батареей. Но мы же лазили

туда не для того, чтобы прыгать на газон и ломать руки-ноги. Ключ от хода на крышу лежал в моей жестяной коробке с нарисованными розами. Никто из нашей семьи даже не подозревал, что я нашла этот лаз, а не то наш тайник ликвидировали бы в один момент. Поэтому приходилось осторожничать, чтобы никто не заметил, как я крадусь на крышу. Там можно было загорать, устраивать пикники или просто прятаться, если хотелось побыть в тишине. Как я уже говорила, этого мне хотелось довольно часто, только вот не сейчас.

Я свернула одеяла, смахнула с дивана крошки от печенья, поправила подушку и сложила в коробку разбросанные шахматные фигуры. Я даже полила азалию, которая стояла в углу комнаты, и прошлась влажной тряпочкой по ночному столику. Потом беспомощно оглядела безукоризненно прибранную комнату. Удалось убить минут десять, а поговорить с кем-нибудь захотелось ещё больше. Может, у Шарлотты там, в музыкальной комнате, снова голова кружится?

А что, собственно говоря, случается, когда прыгаешь из Мейфэра века двадцать первого в Мейфэр века, скажем, пятнадцатого? Когда в этих местах и домов-то особо не было? Может, тогда повисаешь в воздухе? Или со всей силы бахаешься о землю с семиметровой высоты? В муравейник, например? Ах, бедная Шарлотта! Хотя, может, на этих занятиях по тайноведенью её хотя бы летать научили. Кстати о тайнах: у меня возникло какое-то странное чувство, отделаться от которого никак не удавалось. Я пошла в мамину комнату и высунулась из окна. Перед домом номер восемнадцать всё ещё стоял человек в чёрном. Я видела его ноги и подол пальто. Мне ещё никогда не казалось, что третий этаж – это та-а-ак высоко. Со скуки я гадала, сколько метров отсюда до земли.

Можно ли вообще остаться в живых, если упасть с высоты в четырнадцать метров? Наверное, если очень повезёт и приземлишься в болото. Раньше весь Лондон был одним сплошным болотом. Во всяком случае, так утверждала миссис Каунтер, наша учительница по географии. Болото – это хорошо. Тогда можно хоть на мягонькое плюхнуться. Обидно только, что потом всё равно придётся захлебнуться в иле. Я вздрогнула и сама испугалась собственных мыслей.

Чтобы не оставаться одной, я решила провести своих ненаглядных родственников в музыкальной комнате, рискуя, конечно, что меня завернут обратно, если там ведутся сверхсекретные разговоры.

Когда я вошла, бабушка Мэдди восседала в своём любимом кресле у окна, а Шарлотта стояла у другого окна, присев на краешек письменного стола эпохи Луи Четырнадцатого, лакированную и позолоченную поверхность которого трогать строжайше воспрещалось, всё равно какой частью тела. (Ума не приложу, почему леди Ариста считала это уродище таким ценным. Ни единого потайного ящичка – мы с Лесли уже давным-давно его проверили.)

Шарлотта переоделась, теперь она была не в школьной форме, а в тёмно-синем платье, которое выглядело как помесь ночнушки, купального халата и монашеской рясы.

– Как видишь, я ещё здесь, – сказала она.

– Это... хорошо, – сказала я, пытаюсь не очень пялиться на странное платье.

– Невыносимо! – сказала тётя Гленда, она словно маятник ходила взад-вперёд между двумя окнами. Тётя Гленда, как и Шарлотта, была крупной и стройной, волосы у неё были кудрявые и огненно-рыжие. Моя бабушка тоже была когда-то рыжеволосой. Кэролайн и Ник унаследовали фамильный цвет. Только у меня волосы были прямыми и тёмными, как у папы.

Раньше я тоже во что бы то ни стало хотела быть рыжей, но Лесли убедила меня, что тёмные волосы прекрасно оттеняют голубые глаза и светлую кожу. Ещё Лесли уверяла, что моя родинка на виске в форме полумесяца – тётя Гленда всегда обзывала её бананом – выглядела таинственно и изящно.

Я, кстати, считаю себя очень даже симпатичной, кроме прочего, благодаря брекетам: после того как я их поносила, передние зубы сошлись, и я перестала быть похожей на кролика. Ну и пусть я не такая «обворожительная и грациозная» как Шарлотта, чтобы нравиться Джеймсу. Ха, посмотрел бы он на неё в этом мешке.

– Гвендолин, ангел мой, хочешь лимонную конфетку?

Бабушка Мэдди указала на скамеечку рядом с собой:

– Садись рядом, отвлеки меня немного. Нервы не выдерживают уже этих Глендиных перебежек.

– Тебе не знакомы страдания матери, тётя Мэдди, – сказала тётя Гленда.

– Да, их я не пережила, – вздохнула бабушка Мэдди. Она была сестрой моего дедушки. Замуж бабушка Мэдди так и не вышла. Она была кругленькой маленькой старушкой с весёлым детским взглядом. Волосы она красила в золотистый цвет. В причёске бабушки Мэдди частенько торчали забытые бигуди.

– А где же леди Ариста? – спросила я, потянувшись за леденцом.

– В соседней комнате, разговаривает по телефону, – сказала бабушка Мэдди. – Но так тихо, что ни слова не разобрать. Это была, кстати говоря, последняя коробка конфет. У тебя, случайно, не найдётся свободной минутки сбегать в магазин за новой?

– Конечно! – сказала я.

Шарлотта переступила с ноги на ногу. Тётя Гленда сразу встрепенулась.

– Всё в порядке, – сказала Шарлотта. Тётя Гленда поджала губы.

– Может, лучше тебе подождать на первом этаже? – спросила я Шарлотту. – Тогда падать будет не так больно.

– Может, лучше тебе молчать в тряпочку, если не знаешь, о чём говоришь? – спросила в ответ Шарлотта.

– Действительно, вот что сейчас меньше всего может помочь Шарлотте, так это дурацкие замечания, – сказала тётя Гленда.

– В первый раз носительница гена не прыгнет дальше, чем на сто пятьдесят лет назад, – приветливо объяснила бабушка Мэдди. – Этот дом построили в 1781 году, а значит, здесь, в музыкальной комнате, Шарлотта в безопасности. В худшем случае она лишь испугает парочку музицирующих дам.

– Да уж, в таком платье точно, – сказала я так тихо, что только бабушка Мэдди могла меня услышать. Та хихикнула в ответ.

Дверь распахнулась, и вошла леди Ариста. Она, как обычно, выглядела так, будто проглотила длинную палку. Или даже несколько. Две для рук, две для ног и ещё одну посередине, которая их скрепляет. Её седые волосы были гладко зачёсаны и собраны в пучок на затылке, как у хореографа, с которым особо шуток не пошутишь.

– Водитель уже в пути. Де Виллеры ожидают нас на вокзале в Темпле. Тогда Шарлотта сможет сразу по возвращению влиться в хронограф.

Я поняла только слово «вокзал».

– А если сегодня это вообще не произойдёт? – спросила Шарлотта.

– Шарлотта, дорогая, у тебя уже трижды кружилась голова, – сказала тётя Гленда.

– Рано или поздно это произойдёт, – сказала леди Ариста.

– Пойдём же, водитель приедет с минуты на минуту.

Тётя Гленда взяла Шарлотту за руку и вместе с леди Аристой они покинули комнату. Когда дверь захлопнулась, мы с бабушкой Мэдди переглянулись.

– Иногда кажется, что мне стоит пить таблетки от невидимости, – сказала бабушка Мэдди. – Порой неплохо бы услышать хоть «До свидания, Мэдди» или «Привет, Мэдди». Или вот такой разумный вопрос: «Милая Мэдди, а не было ли у тебя, случайно, видения, которое могло бы нам помочь?»

– А что, было видение?

– Нет, – сказала бабушка Мэдди, – и слава Богу. Мне обычно так есть хочется после этих видений, а я и без того толстая.

– А кто такие эти де Виллеры? – спросила я.

– Кучка заносчивых нахалов, если хочешь знать моё мнение. Все чиновники и банкиры. У них частный банк в центре Лондона. Там счета нашей семьи.

Это звучало уже совсем не таинственно.

– А какое им дело до Шарлотты?

– Если не распространяться, у них похожие проблемы.

– Похожие проблемы? – неужели они тоже живут под одной крышей с бабушкой-тиранкой, тёткой-пилой и кузиной-задавакой?

– Ген путешественника во времени, – сказала бабушка Мэдди. – У де Виллеров ген переходит по мужской линии.

– И у них водится такая же Шарлотта?

– Только мужского пола. Насколько я знаю, его зовут Гидеон.

– И он тоже ждёт, пока закружится голова?

– Это у него уже позади. Он на два года старше Шарлотты.

– Значит, он уже два года бодро скачет туда-сюда?

– Вероятно, да.

Я пыталась сопоставить новую информацию с тем, что знала раньше. Сегодня бабушка Мэдди была невероятно разговорчива, я старалась использовать каждую секунду.

– А что такое этот храни... хроно...?

– Хронограф! – бабушка Мэдди сделала умный вид. – Это такой специальный аппарат, с помощью которого можно отправить носителя гена – но только его! –

в определённое время. Что-то там с кровью связано.

– Это что же, машина времени? Которую заправляют кровью? Вот ужас!

Бабушка Мэдди пожала плечами.

– Понятия не имею, как эта штука работает. Ты забываешь, что я тоже узнаю только то, что случайно слышу, пока сижу тут и делаю блаженный вид. Всё это – большая тайна.

– Да уж. И сложная какая-то. Откуда вообще известно, что у Шарлотты есть этот ген? Почему именно у неё, а не, например... у тебя?

– У меня, к счастью, его быть не может, – ответила она. – Мы, Монтроузы, всегда были не от мира сего, но ген в нашей семье передался через твою родную бабушку. Мой брат ужас как хотел на ней жениться. И женился, – тётя Мэдди усмехнулась. Она была сестрой моего покойного дедушки Лукаса. У неё не было своего мужа, поэтому она переехала к брату и помогала по хозяйству.

– Я в первый раз услышала об этом гене после свадьбы Лукаса и леди Аристы, – продолжала она. – Последней носительницей этого гена по линии Шарлотты стала госпожа Маргарет Тилни, а она, в свою очередь, была бабушкой твоей бабушки – Аристы.

– А Шарлотта унаследовала ген от этой Маргарет?

– Нет, нет, после Маргарет его унаследовала Люси. Бедная девочка.

– Что ещё за Люси?

– Твоя кузина Люси, старшая дочь Гарри.

– А, та самая Люси.

Мой дядя Гарри, тот, который из Глосестершира, был намного старше Гленды и моей мамы. Трое его детей давно уже выросли. Дэвиду, младшему из них, было двадцать восемь, он работал пилотом в Бритиш Эйрвейз. Но нам по такому

поводу скидки на билеты, увы, не полагались. Джанет, средняя дочь, сама уже стала мамой. Мамой двух маленьких нервотрёпиков, которых звали Поппи и Дейзи. Люси, старшую дочь, я ни разу не видела. Да и не знала о ней ничего толком. Семья, казалось, умалчивала всё, что относилось к её персоне. Она была белой вороной среди Монтроузов. В семнадцать лет Люси ушла из дома и с тех пор не давала о себе знать.

– Значит, Люси – носительница гена?

– О да, – сказала бабушка Мэдди. – Здесь такой шум поднялся, когда она исчезла. У твоей бабушки чуть инфаркт не случился. Был страшный скандал, – бабушка Мэдди так возбуждённо рассказывала и качала головой, что её золотистые локоны совсем спутались.

– Могу себе представить, – я вдруг подумала, что бы со мной случилось, если бы Шарлотта вдруг упаковала чемоданы и удрала из дому.

– Нет, не можешь, тебе же не знакомы те трагические обстоятельства, из-за которых она пропала... а всё этот юноша... Гвендолин! А ну-ка вынь палец изо рта! Какая невоспитанность!

– Прости, бабушка, – я даже не заметила, как начала грызть ноготь. – Я просто волнуюсь. Столько всего непонятного...

– Да уж. Для меня тоже, – заверила бабушка Мэдди. – А я слежу за всеми этими страстями с пятнадцати лет. Зато я обладаю природным даром видеть всё мистическое. Все Монтроузы любят тайны. Так было всегда. Только поэтому мой несчастный братец вообще женился на твоей бабке, если тебе интересно. Её обаяние и привлекательность вряд ли сыграли здесь решающую роль. Потому что их у неё не было, – она опустила руку в коробочку из-под конфет и вздохнула, нащупав дно. – Вот незадача. Ох, и пристрастилась же я к этим штучкам.

– Я мигом в «Селфриджес», принесу тебе новых, – сказала я.

– Ах ты, мой ангелочек. Раз так, поцелуй меня и отправляйся. Не забудь про пальто, на улице дождь. И никогда больше не грызи ногти, ты поняла?

Моё пальто всё ещё лежало под партой в школе, поэтому я взяла мамин дождевик с цветочками. Выходя из дому, я поглубже надвинула на глаза капюшон. Мужчина всё ещё стоял у входа в дом номер восемнадцать и как раз собирался закурить. Неожиданно для себя самой я кивнула ему, спускаясь по ступенькам. Он не ответил. Конечно, нет.

– Вот тупица! – я побежала в сторону Оксфорд-стрит. Дождь лил как из ведра. Одним дождевиком тут делу не поможешь, надо было сразу и калоши надевать.

Моя любимая магнолия на углу улицы грустно опустила цветочки. Пока я до неё добралась, успела наступить в лужу целых три раза. В тот момент, когда я хотела обойти четвёртую лужу, ноги вдруг подкосились. Живот скрутило, как на американских горках, а улица поплыла перед глазами серой рекой.

Глава третья

Ex hoc momento pendet aeternitas.

(На этом моменте качается вечность.)

Надпись на солнечных часах, Миддл Тем пл, Лондон.

Когда я пришла в себя, то увидела поворачивающий за угол ретро-автомобиль. Я стояла на коленях прямо посреди тротуара и дрожала. Что-то было не так с этой улицей. Она выглядела не совсем обычно. За последние несколько секунд всё стало другим. Дождь прекратился, зато дул ледяной ветер. Сильно потемнело, почти настала ночь. На магнолии не было ни цветочков, ни листочков, я уже вообще сомневалась, что это дерево – магнолия.

Верхушки ограды, установленной вокруг дерева, были выкрашены золотистой краской. Я могла поклясться, что ещё вчера они были чёрными.

За угол завернул ещё один ретро-автомобиль. Это была странная конструкция на высоких колёсах со светлыми спицами. Я посмотрела на тротуар: дорожные

знаки исчезли. Асфальт весь казался кривым и горбатым, фонари совсем изменились, их свет стал жёлтым и слабым. Он едва доходил до ближайшего парадного. Ком подступал к горлу, но я всё ещё была не готова допустить мысль об этом. Сначала надо просто отдышаться.

Потом я внимательнее огляделась по сторонам. Ну, не так уж много всего изменилось. Дома, вообще-то, стояли, как и всегда.

Хотя... там, в дальнем конце улицы, исчезла чайная, мама всегда покупала в ней отличнейшее печенье «Принц Уэльский». А того дома на углу с массивными статуями я раньше не замечала.

Какой-то мужчина в шляпе и чёрном пальто бесцеремонно пялился прямо на меня. Он шёл, не сворачивая, но не предпринимал при этом попыток заговорить или, тем более, помочь. Я встала и отряхнулась.

Неизвестность, которая родилась, как предчувствие, превратилась вдруг в страшное осознание происходящего.

Придуриваться не перед кем!

Я не на ралли ретро-автомобилей, а с магнолии не просто так слетели все листья. Эх, всё отдала бы сейчас за то, чтобы за угол завернула Николь Кидман, но, к сожалению, съёмочной декорацией фильма Генри Джеймса всё это тоже не было.

Я точно знала, что произошло. Было совершенно ясно. И также ясно было то, что произошла ошибка.

Я очутилась в другом времени. Не Шарлотта. Я. Кто-то допустил страшную ошибку. Я застучала зубами. Не только от возбуждения, но и от холода. Холод был просто собачий.

«Я бы знала, что делать», – в ушах снова и снова звучали слова Шарлотты.

Ясное дело. Шарлотта-то знала, что делать, но со мной никто этим знанием не поделился.

Вот я и стояла, дрожа и стуча зубами на углу своей улицы, постепенно превращаясь в общественное пугало. К счастью, людей на улице было немного. Молодая женщина в полупальто прошла мимо меня с корзиной в руке. За ней следовал мужчина в шляпе и с поднятым воротником.

- Извините, вы не подскажете, какой сейчас год? - спросила я.

Женщина сделала вид, что не услышала меня и зашагала быстрее.

Мужчина покачал головой.

- Какая невоспитанность, - пробубнил он.

Я вздохнула. Эта информация мне всё равно не помогла бы. В сущности, какая разница, 1899-й нынче на дворе или 1923-й.

По крайней мере, я знала точно, где нахожусь. Ведь я жила всего в нескольких шагах отсюда. Что естественней в такой ситуации, как не направиться прямо домой? Действовать-то надо. В сумерках улица казалась вполне спокойной и приветливой. Озираясь по сторонам, я медленно зашагала обратно.

Что изменилось, а что осталось прежним? Дома - почти такие же, как в моём времени. Если хорошенько приглядеться, казалось, будто видишь их впервые, но в тот момент обращать внимание на детали не получалось. Я машинально повернула голову в сторону дома номер восемнадцать, но возле входа никого не было, никакого чёрного человека не осталось и в помине.

Я остановилась.

Наш дом выглядел точно так же, как и в моё время. На первом и втором этаже горел свет, в маминной комнатке под крышей тоже. С чердачного окошка свисали сосульки. Как же мне захотелось домой, когда я всё это увидела!

«Я бы знала, что делать!»

Да, что бы сделала сейчас Шарлотта? Быстро темнело, а холодало ещё быстрее. Куда бы пошла Шарлотта, чтобы не замёрзнуть? Домой?

Я поглядела вверх на горящие окна. Может, уже родился мой дедушка. Может, он уже взрослый и даже узнает меня при встрече. Катал же он меня на коленках, когда я была ещё совсем малюткой... ну что за чушь! Даже если он и родился, очень сомнительно, что он сможет вспомнить, как он сажал бы меня на колени, будь он стареньким дедушкой. Холод проникал под дождевик. Ладно, я просто позвоню в дверь и попрошусь переночевать.

Нужно только придумать, как бы всё это по-умному повернуть. «Привет! Меня зовут Гвендолин, я внучка лорда Лукаса Монтроуза, который, может быть, ещё и не родился».

Такому вряд ли кто поверит. Я окажусь скорее в психушке, чем в собственном доме. А уж психушки-то в этом времени просто супер – один раз попал – и на всю жизнь.

С другой стороны, ничего другого я придумать не могла. Скоро стемнеет, нужно как можно быстрее найти место, чтобы переночевать и не замёрзнуть. Желательно не попасть при этом под нож Джека Потрошителя. Вот ужас! Когда он там творил свои мерзости? И где? Надеюсь, не здесь, в чинном-спокойном Мейфэре?

Если получится поговорить с предком, я смогу его убедить, что знаю об этом доме и о его семье больше, чем мог бы знать чужой человек. Кто кроме меня может, например, выдать, что лошадь пра-пра-пра-пра-прадедушки Хью звали Толстушкой Энни? Это же точно знают только свои.

Я отвлеклась от рассуждений из-за сильнейшего порыва ветра. Он был таким холодным! Не удивлюсь, если и снег сейчас повалит.

«Привет! Меня зовут Гвендолин, и я прилетела из будущего. В качестве доказательства могу предъявить вот эту застёжку-молнию на куртке. В вашем времени её ещё не изобрели, так ведь? Нет у вас пока ни самолётов, ни телевизоров, ни холодильников...»

Можно было хотя бы попробовать. Глубоко вздохнув, я направилась к двери.

Ступеньки казались невероятно знакомыми и чужими одновременно.

Я машинально ощупала стену в поисках звонка. Но, конечно, его там не оказалось.

Электрические звонки тоже ещё не изобрели.

К сожалению, о конкретном годе это мне не говорило. Я вообще была без понятия, когда там выдумали электрический ток. До пароходов или уже после? Проходили мы это в школе или нет?

Если и проходили, что-то я не припомню подробностей.

На притолоке я засекла ручку на цепочке. У Лесли дома тоже была похожая конструкция, для слива в туалете. Я со всей силы потянула за цепочку и услышала, как за дверью зазвонил колокольчик.

О Боже!

Хоть бы открыл кто-то из хозяев этого дома, а не, например, прислуга. Что можно сказать им, чтобы мне поверили? Может, пра-пра-пра-пра-прадедушка Хью ещё жив? Или уже жив? Ну, в общем, я просто попрошу позвать его, вот и всё.

Или Толст у ш к у Энни позвать.

Шаги приближались, и я собрала всю свою волю в кулак.

Но не успела увидеть, кто именно открыл дверь, потому что вдруг меня сбило с ног, завертело во времени и пространстве, и выплюнуло обратно.

Я снова очутилась на коврике перед нашей дверью. Я поднялась и огляделась вокруг. Всё выглядело как раньше, когда я вышла за леденцами для бабушки Мэдди. И дома, и припаркованные машины, и даже дождь. Чёрный человек возле дома номер восемнадцать уставился прямо на меня.

– Да уж, тут не только ты в шоке, – пробормотала я.

Как долго меня не было? Интересно, а этот в чёрном пальто видел, как я пропала у поворота, а потом вдруг появилась на коврике перед дверью? Небось, глазам своим не поверил. Так ему и надо. Хотел загадок – пусть получает.

Я бешено затрезвонила. Открыл мистер Бернхард.

– Что за спешка? – спросил он.

– У вас, может, никакой спешки, а я лично тороплюсь!

Мистер Бернхард удивлённо скруглил бровь.

– Извините, я забыла кое-что важное, – я проскользнула мимо него и со всех ног помчалась по лестнице, перескакивая через ступеньки.

– Ангел мой, а я думала, что ты уже убежала!

Задыхаясь, я глянула на стенные часы. Прошло как раз двадцать минут с тех пор, как я вышла из комнаты.

Бабушка Мэдди ошарашенно поглядела на меня, когда я влетела в комнату.

– Как хорошо, что ты решила заглянуть ещё раз! Совсем забыла, в «Селфриджес» продаются те же конфетки, только без сахара. Обёртка совершенно такая же! Их не бери ни в коем случае, от тех без сахара у меня... э-э... пищеварение ухудшается.

– Бабушка Мэдди, а почему все так уверены, то ген именно у Шарлотты?

– Почему-почему, кончается на «у». Спроси что полегче, – вид у бабушки Мэдди был немножко сконфуженный.

– Кто-то делал ей анализ крови? Может, ген у кого-то другого? – моё дыхание постепенно успокаивалось.

- Сомнений быть не может, Шарлотта - носительница гена.

- Это анализ ДНК показал?

- Тут ты, дорогуша, не того спросила. Я в биологии полная дурочка, не знаю даже, что оно такое, это твоё ДНК. Сдаётся мне, тут дело не в биологии, а, скорее, в высшей математике. Жалко, что математика мне тоже не давалась в своё время. Когда вокруг жонглируют цифрами-формулами, я просто перестаю вникать и думаю о чём-то более милом и привычном. Могу лишь сказать тебе, что Шарлотта появилась на свет точно в рассчитанный за столетия до нас и назначенный специально для неё день.

- Значит, по дате рождения определяют, в ком ген? - я нервно покусывала губы. Шарлотта родилась седьмого октября, а я - восьмого. Нас разделял единственный день.

- Скорее наоборот, ген определяет дату, - сказала бабушка Мэдди. - Они всё точно рассчитали.

- А если они ошиблись?

На один день! Это же так просто. Произошла ошибка.

Идиотский ген был у меня, а не у Шарлотты! Или у нас обеих. Или... я плюхнулась прямо на пол.

Бабушка Мэдди покачала головой:

- Они не ошибаются, ангел мой. Уж если эти люди что и могут по-настоящему, так это считать.

Что вообще за «эти люди»?

- Ошибиться может каждый, - сказала я.

Бабушка Мэдди засмеялась:

- Надеюсь, ты не заподозришь в ошибке Исаака Ньютона?

- Ньютон рассчитал день рождения Шарлотты?

- Дитя моё, мне прекрасно знакомо твоё любопытство. Когда я была такой же маленькой, как ты сейчас, я тоже хотела всё знать. Но, во-первых, кто меньше знает, тот крепче спит. А во-вторых, я правда-правда очень хотела бы коробочку лимонных леденцов.

- Всё это так нелогично, - сказала я.

- Лишь на первый взгляд, - бабушка Мэдди погладила меня по руке. - Только так: я тебе ничего не говорила, понятно? Наша беседа пусть останется между нами. Если твоя родная бабушка узнает, что я всё тебе рассказала, она страшно разозлится. А в гневе она ещё страшней, чем обычно.

- Всё, бабушка Мэдди, не тревожу тебя больше. И уже бегу за леденцами!

- Ты доброе дитя.

- Последний вопрос: сколько времени проходит с момента первого прыжка до следующего?

Бабушка Мэдди вздохнула.

- Ну пожа-а-а-лу йста!

- Не думаю, что в этом деле установлены какие-нибудь правила, - сказала она. - Каждый носитель гена - особенный. Но никто не умеет управлять своими прыжками во времени. Это случается каждый день, совершенно спонтанно, даже несколько раз на дню. Потому этот хронограф - такая важная штука. Насколько я поняла, он поможет Шарлотте не болтаться совсем беспомощно туда-сюда по времени. Её можно будет послать в определённый год и день, где с ней ничего не случится. Так что не волнуйся за неё.

Честно говоря, в тот момент я гораздо больше волновалась за себя.

– А сколько времени проходит в настоящем, пока носитель гена в прошлом? – спросила я, затаив дыхание. – И можно ли во второй раз допрыгнуть аж до эры динозавров, когда здесь было одно сплошное болото?

Бабушка оборвала меня резким взмахом руки:

– Довольно, Гвендолин! Мне-то откуда знать!

Я встрепенулась:

– Всё равно спасибо за твои ответы, – сказала я, – ты мне очень помогла.

– Что-то мне так не кажется. Совесть не даст мне теперь покою. Ох, не должна была я потакать твоему любопытству. Мне ж самой не положено этого знать. Когда в прежние времена я пыталась расспросить брата – твоего дедушку – обо всех этих тайнах, он оставался непреклонным и отвечал лишь «не портить здоровье!» Ну так ты мне сегодня конфеток принесёшь? Только не забудь, пожалуйста: с сахаром!

Бабушка Мэдди помахала мне вслед.

Чем это, интересно, тайны портят здоровье? И что вообще знал обо всём этом мой дедушка?

– Исаак Ньютон? – озадаченно повторила Лесли. – Это тот, с силой притяжения?

– Ага. Но он ещё успел рассчитать день рождения Шарлотты.

Я стояла в «Селфриджес», в продуктовом отделе перед холодильником с йогуртами, прижимала правой рукой телефон к уху, а левой держалась за правую.

– Только никто не поверит, что он ошибся. Ну да, кто такому поверит! Это ж Ньютон! Но он всё-таки просчитался! Я родилась на следующий день после Шарлотты, и именно я совершила прыжок во времени – я, не она!

– Это всё очень загадочно. Вот ёлки-палки, снова эта железяка будет грузиться целый час. Включайся давай, ты, животное! – Лесли, как всегда, ругалась со своим компьютером.

– О Лесли, это было так... странно! Ещё немного, и я встретила бы со своим предком! Может, помнишь этого толстяка с картины перед потайной дверью, пра-пра-пра-пра-прадедушку Хью. Если это, конечно, было его время, а не чьё-нибудь ещё. Между прочим, они вполне могли упрятать меня в психушку.

– Да уж, с тобой могло случиться что угодно, – сказала Лесли. – Что-то я торможу, все эти годы столько шуму вокруг Шарлотты, а потом вдруг – на тебе! Расскажи об этом маме, обязательно. И вообще, давай скорей домой! Это может в любой момент случиться снова!

– М-да, ситуация не ахти.

– Да уж. О, не прошло и ста лет, а я в Интернете. Могу тебе погуглить Ньютона для начала. А ты рули домой тем временем! Кто знает, сколько лет тут стоит этот магазин, может, раньше здесь была яма, и ты сейчас как провалишься метров на двенадцать!

– Бабушка просто свихнётся, когда узнает, – сказала я.

– Да, а бедная Шарлотта! Все эти годы терпеть, от всего отказываться, а в итоге – фигушки! О, вот, Ньютон. Родился в 1643 году в Вулсторпе – о Боже, это ещё где? – умер в 1727 году в Лондоне... так, это неважно... это тоже... здесь ничего не написано про путешествия во времени, только какие-то исчисления бесконечно малых величин, что-то я таких не знаю, а ты? Трансцендентность всех спиралей... квадрата, оптика, небесная механика... так-так, а вот закон всемирного тяготения. М-да, штука про трансцендентность спиралей как-то больше всего смахивает на путешествия во времени, как считаешь?

– Честно – не-а, – сказала я.

Влюблённая парочка рядом со мной оживлённо обсуждала, какой йогурт купить.

– Ты что, ещё в магазине? – крикнула Лесли. – А ну скорей домой!

– Уже бегу, – заверила я и, схватив пачку бабушкиных леденцов, заторопилась к выходу.

– Но Лесли, я не могу рассказать об этом дома! Они же решат, что я совсем тютю.

Лесли захихикала в трубку:

– Гвен! Любая другая семья обязательно отправила бы тебя лечиться, но только не твоя! У них же только и разговоров, что о путешествиях во времени, хронометрах и занятиях по тайноведению.

– Не хронометр, а хронограф, – поправила я. – Эта штука, кстати, заправляется кровью. Вот гадость, да?

– Хро-но-граф... Так, гуглю хронограф.

Я пробиралась по шумной Оксфорд-стрит к следующему светофору.

– Тётя Гленда обязательно скажет, что я всё это выдумываю, чтобы показаться значительней, и испортить Шарлотте приключение.

– И что с того? Уже когда ты прыгнешь в следующий раз, они как-нибудь догадаются, что были не правы.

– А вдруг не прыгну? Вдруг это было что-то вроде приступа? Или насморка?

– Ты сама-то веришь в то, что несёшь? Так, хронограф. Кажется, это многофункциональные наручные часы. На «ебай» их целая куча продаётся. От 10 фунтов стерлингов... Дуристика... о, погоди, я погуглю Исаака Ньютона, хронограф, путешествия во времени и кровь, всё вместе.

– Ну?

– Результатов: ноль, – Лесли вздохнула. – Ну какие же мы дуры! Надо было раньше всё разведать. Так, для начала я достану нам необходимую литературу. Должен же мне читательский билет хоть раз пригодиться? Ты где сейчас?

– Перехожу Оксфорд-стрит и сворачиваю на Дьюк-стрит, – я усмехнулась. – Спрашиваешь, чтобы прийти сюда и нарисовать мелом крестик, если разговор вдруг оборвётся? Я тут вообще задумалась на досуге, зачем Шарлотте этот крест?

– Ну, наверное, они могли бы послать за ней того второго типа. Как там его?

– Гидеон де Виллер.

– Ну и имечко, жуть. Сейчас и его погуглим. Гидеон де Виллер, как там он пишется?

– Я откуда знаю! Давай ещё пораскинем мозгами насчёт креста мелом – куда бы они его послали, Гидеона этого? Ну, то есть, в какое время? Шарлотта могла бы очутиться где угодно. То есть, в любой минуте, в любом часе, в любом дне, в любом веке. Не-а, тогда от креста никакого проку.

Лесли так громко взвизгнула мне в ухо, что я чуть не выронила мобильный.

– «Гидеон де Виллер» – есть такой!

– Ну же, читай!

– Тэк-с, здесь написано: команда по игре в поло гринвичского интерната имени Винсента в этом году снова выиграла британский кубок по поло среди школьников. Награде радуются справа налево: директор школы Уильям Гендерсон, тренер Джон Карпентер, капитан команды Гидеон де Виллер... и так далее. Вау, он ещё и капитан команды. Картинка, правда, малюсенькая, фиг разберёшь, кто из них кони, а кто мальчики. Ты где там, Гвен?

– Всё ещё на Дьюк-стрит. Верно, интернат в Гринвиче, конный спорт – это наверняка он. Там не написали, что он исчезает время от времени? Может, прямо с лошади?

– А, чёрт. Только увидела, этой заметке уже три года. Сейчас он, наверное, уже школу закончил. Как ты там, голова не кружится?

- Нет пока.

- А где идёшь?

- Лесли!! Всё ещё по Дьюк-стрит. Спешу, как могу.

- Ладно, мы с тобой повисим на телефоне, пока ты не дома, а там ты сразу расскажешь всё маме.

Я поглядела на часы:

- Она ещё не вернулась с работы.

- Тогда подождёшь, но поговори с ней обязательно, поняла? Она наверняка знает, что делать. Гвен? Ты ещё там? Ты меня поняла?

- Да. Лесли?

- Чего?

- Я так рада, что ты у меня есть. Ты лучшая подруга на свете!

- Ты тоже ничего, - сказала Лесли. - А ещё ты ведь можешь захватить парочку прикольных штук из прошлого. Ну какая другая подруга такое сумеет? А когда надо будет готовиться к следующей контрольной по истории, ты просто полетишь на место событий и всё разведает.

- Если б не ты, я бы совсем растерялась сейчас, - я понимала, что выгляжу полной тютенькой. Но, ёлки-палки, именно так я себя и ощущала.

- А можно забирать предметы из прошлого с собой? - спросила Лесли.

- Это я не в курсе. Честно, ни малейшего понятия. Попробую в следующий раз. Я, кстати, сейчас на Гросвенор-сквэр.

– О, почти дома, – облегчённо вздохнула Лесли. – Кроме заметки про поло Гугл о Гидеоне де Виллере ничего не знает. Зато много всего про частный банк де Виллеров и адвокатскую контору де Виллеров в Темпле.

– Да, это тоже о них, наверное.

– Как твоя голова? Кружится?

– Пока нет, но спасибо, что спрашиваешь.

Лесли кашлянула в трубку:

– Знаю, ты там идёшь и боишься, но всё это просто крутецки! Самое настоящее приключение, Гвен. И ты в самом центре событий!

– Да уж, центрее некуда. Вот кошмар.

Лесли права: кто сказал, что мама мне не поверит? Мои истории о привидениях она выслушивала со всей серьёзностью. Я всегда могла рассказать ей, если что-то меня пугало. Когда мы ещё жили в Дархеме, меня несколько месяцев преследовал дух одного демона. Вместо того, чтобы работать по назначению – украшать церковный свод – он таскался за мной. Звали его Азраэль. Выглядел он как помесь кошки, человека и орла. Когда он заметил, что я его вижу, а главное – слышу, то так расчувствовался, что ходил и летал за мной хвостиком, балаболит ни о чём при каждой возможности и даже ночевать хотел в моей кровати. После того, как первый страх прошёл (как и другие ему подобные фигуры, физиономию Азраэль имел довольно жуткую), мы постепенно подружились. Жалко, что он не мог переехать с нами в Лондон. Я до сих пор по нему скучала. Демоны, украшавшие лондонские дома, были какими-то совсем несимпатичными персонами. Мне до сих пор не попался никто, кто переплюнул бы Азраэля.

Если мама поверила в Азраэля, то, наверное, поверит и в путешествия во времени. Нужно только найти подходящий момент для разговора. Но момент всё не представлялся. Как только мама вернулась домой, она сразу же стала разбираться с моей сестрой Кэролайн. Та вызвалась взять домой из школьного

terrариума на лето хамелеона по имени мистер Бин. До лета было ещё далеко, но разбор полётов начался уже сейчас.

- Ты не сможешь ухаживать за мистером Бином, Кэролайн! Ты же прекрасно знаешь, что твоя бабушка запретила брать в дом животных, - сказала мама. - А у тёти Гленды вообще аллергия.

- Но у мистера Бина ведь нет шерсти! - оправдывалась Кэролайн. - Он будет сидеть себе тихонько в террариуме и никому не помешает.

- Он помешает твоей бабушке!

- Тогда она зануда!

- Кэролайн, так нельзя! В нашем доме никто и понятия не имеет о хамелеонах. Только представь, если мы сделаем что-то не так, мистер Бин может заболеть, или даже умереть!

- Не может! Я уже научилась за ним ухаживать. Ну пожалуйста, мамочка! Давай возьмём его! Если не я, его опять заберёт Тесс и будет снова вести себя так, будто мистер Бин её ребёночек.

- Я сказала: нет, Кэролайн!

Через четверть часа они всё ещё спорили, хотя мама зашла в ванную и закрылась там. Кэролайн стояла под дверью и кричала:

- Леди Ариста даже ничего не заметит! Если б мы захотели, могли бы хоть весь террариум пронести. Она всё равно ко мне никогда не заходит.

- Могут меня в этом доме хоть в туалете оставить в покое на несколько минут? - кричала мама.

- Нет, - сказала Кэролайн.

Пить кровь у неё получалось отлично. Она перестала нудить, только когда мама пообещала, что сама попросит леди Аристу поддержать мистера Бина у нас дома

во время каникул.

Пока грызлись мама и Кэролайн, я выколупывала жвачку из волос Ника. Мы сидели в швейной комнате. Ник нашлёпал себе на голову почти полфунта этой гадости, но никак не мог вспомнить, как же это случилось.

– Как можно не заметить, если что-то на себя наклеиваешь! – сказала я. – Придётся откромсать тебе пару прядей.

– Не страшно, – сказал Ник, – всё равно леди Ариста говорит, что я стал похож на девочку.

– У леди Аристы все на девочек похожи, у кого волосы длиннее спички. Для твоих чудных локонов это настоящий позор.

– Да отрастут, не волнуйся. А отрежь-ка всё, а?

– Маникюрными ножничками причёски не сделаешь. Для этого – марш к парикмахеру.

– А давай ты сама попытаешься, – сказал Ник доверительным тоном. Он, очевидно, успел забыть, как я однажды уже подстригала его маникюрными ножницами, и вид у него был тогда, как у только что вылупившегося коршунёнка. Мне было семь, ему четыре. Его кудри понадобились мне тогда для парика. Парик вышел кривоватым, а меня на день посадили под домашний арест.

– Только попробуй! – сказала мама. Она зашла в комнату и для пущей уверенности забрала у меня ножницы. – Если стричь, то только в парикмахерской. Завтра. А сейчас нам пора вниз на ужин.

Ник сморщился.

– Не волнуйтесь, леди Аристы нет дома, – мы с Ником переглянулись. – Никто не будет занудствовать по поводу жвачек в волосах или пятен на рубашке.

– Что ещё за пятно? – Ник поглядел себе на живот. – Вот чёрт, гранатово-яблочный сок. Не заметил совсем.

Бедный мой братишка, он был так на меня похож.

– Я уже сказала, ругаться там некому.

– Но сегодня ведь не среда! – сказал Ник.

– И всё-таки их нет дома.

– Крутизна.

Когда леди Ариста, тётя Гленда и Шарлотта бывали дома, ужин превращался в натужную церемонию. Леди Ариста ругала Ника и Кэролайн (а иногда и бабушку Мэдди) за их манеры. Тётя Гленда всё время выпытывала про мои оценки, чтоб потом сравнить их с оценками Шарлотты, а Шарлотта улыбалась как Мона Лиза и говорила: «Это вас не касается», если её о чём-то спрашивали.

Вообще-то мы могли бы спокойно обойтись без этих вечерних заседаний, но наша бабушка настояла, чтобы присутствовали все.

Прощён мог быть лишь тот, у кого обнаруживалась заразная болезнь. Еду нам готовила миссис Бромптон. Она приходила с понедельника по пятницу, готовила кушать и стирала. (По выходным готовила то тётя Гленда, то мама. Пиццы или китайской кухни, к моему и Никовому огорчению, не заказывали никогда.)

В среду вечером, когда леди Ариста, тётя Гленда и Шарлотта уходили на свои занятия по тайноведенью, ужин становился гораздо веселей. А сегодня это было так мило – только понедельник, а уже будто бы среда. Вы не подумайте, что мы сразу залезали с ногами на стол, чавкали и кидались едой.

Нет. Но мы отваживались поговорить друг с дружкой, положить локти на стол и пообщаться на такие темы, которые леди Ариста считала неподходящими.

Например, о хамелеонах.

– А тебе нравятся хамелеоны, бабушка Мэдди? Ты бы хотела завести маленького послушненького хамелеончика?

– Э-э-э... ну-у... сейчас, когда ты сказала, я вдруг поняла, что да, я всегда хотела иметь хамелеона, – сказала бабушка Мэдди, накладывая себе в тарелку картошку с розмарином. – Во что бы то ни стало.

Кэролайн сияла:

– Кто знает, может, твоё желание скоро исполнится.

– Как там леди Ариста и Гленда? – осведомилась мама.

– Твоя мать звонила после обеда, чтобы сказать, что не придёт к ужину, – сказала бабушка Мэдди. – Я от имени всех нас выразила глубочайшее сожаление, надеюсь, вы не против.

– О да, – Ник хихикнул.

– А Шарлотта? Она что...? – спросила мама.

– Пока нет, кажется, – бабушка Мэдди пожала плечами. – Но они наготове каждую секунду. У бедной девочки закружилась голова во время пути, а теперь ещё и мигрень вдобавок.

– Жаль бедняжку, – сказала мама. Она отложила вилку и, задумавшись о чём-то, разглядывала тёмную плитку. С этой плиткой наша столовая выглядела так, будто кто-то по ошибке спутал стены с полом и положил на них паркет.

– А что, собственно, будет, если Шарлотта вообще не улетит? – спросила я.

– Рано или поздно, но это произойдёт! – нравоучительно сказал Ник терпким голосом леди Аристы. Все, кроме мамы, засмеялись.

– Но что, если не произойдёт? Что, если они ошиблись, и у Шарлотты этого гена нет?

На этот раз Ник передразнил тётю Гленду:

- Уже с малых лет было ясно, что Шарлотта родилась для высших целей. С обычными детьми её сравнивать нельзя.

Все снова засмеялись. Снова все, кроме мамы.

- Откуда такие мысли, Гвендолин?

- Да так... - я пожала плечами.

- Я же тебе объяснила, что в этих делах ошибки быть не может, - сказала бабушка Мэдди.

- Точно, Исаак Ньютон - прямо такой гений, никогда не ошибался, - сказала я. - Зачем он вообще рассчитывал день рождения Шарлотты?

- Ах, тётя Мэдди! - мама посмотрела на бабушку Мэдди с немым укором.

- Она пристала как банный лист, что мне оставалось делать? Гвендолин так похожа на тебя маленькую, Грейс. Но, кажется, она пообещала никому не рассказывать?

- Бабушке - ни слова, - сказала я. - А хронограф Ньютон придумал?

- Фигушки, - сказала бабушка Мэдди. - Ничего тебе больше не скажу.

- Что ещё за хронограф такой? - спросил Ник.

- Это машина времени, она может посылать Шарлотту в прошлое, - объяснила я ему. - А вместо топлива у неё Шарлоттина кровь.

- Офигеть, - сказал Ник, а Кэролайн охнула:

- У-у-у, кровь.

– А хронограф и в будущее послать может? – спросил Ник.

Мама застонала:

– Гляди, что ты натворила, тётя Мэдди.

– Дети-то твои, – ответила, смеясь, бабушка Мэдди. – Это нормально, они хотят знать правду.

– Да, наверное, – мама переводила взгляд с одного на другого. – Но никогда, слышите, никогда не задавайте таких вопросов вашей бабушке, понятно?

– Только ответы на них знает, наверное, она одна, – сказала я.

– Вам она всё равно ничего не расскажет.

– А ты, мама, что обо всём этом знаешь?

– Больше, чем мне хотелось бы, – мама даже чуть-чуть улыбнулась, говоря это, но улыбка у неё получилась какая-то грустная. – Да, насчёт твоего вопроса, Ник, – в будущее попасть нельзя, по той простой причине, что оно ещё не случилось.

– Че?! – возмутился Ник. – Интересная логика!

В дверь постучали. Вошёл мистер Бернхард, неся перед собой телефонную трубку. Лесли бы, наверное, с ума сошла от восторга, если бы увидела, что трубка лежала на серебряном подносе. Иногда мистер Бернхард мог всё-таки чуть переборщить.

– Звонок для мисс Грейс, – сказал он.

Мама забрала с подноса трубку, а мистер Бернхард повернулся на сто восемьдесят градусов и вышел из комнаты. Он ужинал с нами, только если леди Ариста специально его об этом просила, но случалось такое нечасто, всего пару раз в год.

Мы с Ником фантазировали, как он втихаря заказывает себе суши и пиццу и смакует в уютном одиночестве.

– Слушаю. Мама, это ты?

Бабушка Мэдди подмигнула нам:

– Ваша бабушка прямо-таки мысли читает! – шепнула она. – Чувствует, наверное, что мы тут с вами запрещённые разговорчики разговариваем. Кто из вас уберёт посуду? Давайте освободим место для фирменного пирога миссис Бромптон!

– С ванильным кремом! – хоть я и слопала порцию картошки с розмарином, салат из сладкой морковки и кусок свинины, есть ещё хотелось.

От этой кутерьмы только разыгрывался аппетит. Я встала и начала складывать посуду в лифт для еды.

– Если Шарлотта допрыгнет аж до динозавров, пускай возьмёт мне оттуда маленького динозаврёныша, можно? – попросила Кэролайн.

Бабушка Мэдди отрицательно покачала головой:

– Люди и животные, не обладающие геном путешественника во времени, транспортироваться не могут. К тому же, это слишком глубоко для временного прыжка.

– Жалко, – сказала Кэролайн.

– А мне так больше нравится, – сказала я. – Представь только, что бы тут началось, если бы путешественники во времени стали хватать из прошлого динозавров и саблезубых тигров, или короля гуннов Аттилу, или Адольфа Гитлера.

Мама закончила разговаривать по телефону.

– Они решили остаться там на ночь, – сказала она. – В целях безопасности.

– Где это «там»? – спросил Ник.

Мама не ответила.

– Бабушка Мэдди! С тобой всё в порядке?

Глава четвёртая

Двенадцать колонн в замке времён,

Двенадцать зверей правят царством.

Пять – это ключ и основа в одном,

Могучий орёл от земли оторвался.

Та к по кругу двенадцать, двенадцать и два.

Сокол седьмой по рождению,

Но в жизни он тройка едва.

Из тайных рукописей графа Сен-Жермена.

Бабушка Мэдди сидела, не шевелясь, окаменевшим взглядом уставившись в пустоту. Руками она крепко вцепилась в подлокотники.

Странная бледность залила её лицо.

– Бабушка Мэдди? Мама, мама, у неё что, удар? Бабушка Мэдди! Ты меня слышишь? Бабушка Мэдди! – я хотела взять её за руку, но мама удержала меня.

– Не трогай! Не смей трогать её сейчас!

Кэролайн заплакала.

– Что с ней? – крикнул Ник. – Может, подавилась?

- Надо вызвать скорую, - сказала я. - Мама, ну сделай же что-нибудь!

- Это не удар. И ничем она не подавилась. У неё видение, - сказала мама. - Это скоро кончится.

- Ты уверена? - окаменевший взгляд бабушки Мэдди испугал меня не на шутку. Веки неподвижные, а зрачки - огромные.

- Здесь вдруг стало так холодно, - прошептал Ник. - Ты тоже чувствуешь?

Кэролайн тихонько захныкала.

- Ну пожалуйста, сделай так, чтобы это прекратилось!

- Люси! - крикнул кто-то. Мы испуганно прижались друг к другу. Потом до нас дошло, что кричала бабушка Мэдди. Действительно, стало прохладней.

Я оглянулась, но привидений в комнате видно не было.

- Люси, милое дитя, она ведёт меня к дереву. К дереву с красными ягодами. О, где всё? Я больше не вижу. Вот что-то лежит у корней. Огромный драгоценный камень. Это отшлифованный сапфир. Яйцо. Яйцо из сапфира. Какое оно красивое. Какое дорогое. Но вот на нём появились трещины. О, оно рассыпается, рассыпается, а из него... вылупилась маленькая птичка. Это ворон. Он неуклюже вспорхнул на дерево, - бабушка Мэдди рассмеялась. Но взгляд её оставался неподвижным, а руками она крепко держалась за подлокотники. - Поднялся ветер, - смех бабушки Мэдди внезапно замер. - Это ураган. Всё кружится. Я лечу. Я лечу с вороном прямо к звёздам. Башня. Сверху на башне огромные часы. Там наверху, на часах, кто-то сидит и болтает ногами. А ну, спускайся, безрассудная ты девчонка! - её голос вдруг задрожал от страха.

Она перешла на крик:

- Ураган сорвёт её. Слишком высоко. Что она там делает? Тень! Большая птица кружит по небу. Вот! Она бросается прямо на неё. Гвендолин! Гвендолин!

Терпеть это было невозможно. Я отстранила маму, взяла бабушку Мэдди за плечи и легонько потрясла.

- Вот же я, бабушка Мэдди! Прошу тебя, посмотри!

Бабушка Мэдди повернула голову и поглядела на меня. Постепенно щёки её снова порозовели.

- Ангел мой, - сказала она, - это было столь легкомысленно с твоей стороны... забраться так высоко!

- Ты в порядке? - я посмотрела на маму. - Ты уверена, что это не опасно?

- Это было видение, - сказала мама. - Она в порядке.

- Нет, не в порядке! Это было плохое видение, - сказала бабушка Мэдди. - То есть, начало было вполне симпатичным...

Кэролайн перестала плакать. Они с Ником с опаской уставились на бабушку Мэдди.

- Просто жуть, - сказал Ник. - Вы заметили, какой тут холод?

- Это тебе кажется, - сказала я.

- Нет, не кажется!

- Я тоже заметила, - сказала Кэролайн. - У меня прямо мурашки по коже пробежали.

Бабушка Мэдди взяла маму за руку:

- Я встретила твою племянницу Люси, Грейс. Она выглядела совсем как прежде. Эта славная улыбка...

Казалось, что мама вот-вот заплачет.

– А всё остальное я опять не поняла, – продолжала бабушка Мэдди. – Яйцо из сапфира, ворон, Гвендолин на башне, а затем та злая птица. Ты понимаешь, о чём это?

Мама вздохнула.

– Нет конечно, тётя Мэдди, это же твоё видение, – она опустилась на стул.

– Но от этого понятней оно не становится, – сказала бабушка Мэдди. – Ты записывала за мной, чтобы мы потом смогли всё рассказать твоей матери?

– Нет, тётя, не записывала.

Мэдди наклонилась.

– Тогда мы сейчас же должны всё записать. Так, сначала была Люси, затем дерево, красные ягоды... может, рябина? Там лежал этот драгоценный камень, отшлифованный в форме яйца... о, как же есть захотелось! Надеюсь, вы не начинали без меня десерт. Сегодня мне полагается по меньшей мере двойная порция. Или тройная.

– Это был действительно настоящий кошмар, – сказала я. Кэролайн и Ник уже отправились спать, а я сидела на краешке маминой кровати и пыталась незаметно подвести разговор к моей проблеме, дескать: «Мама, сегодня после обеда кое-что случилось, и я боюсь, что это случится снова».

Мама была поглощена вечерним туалетом. Она уже намазала ночной крем на лицо. Тщательный уход за кожей действительно не был пустой тратой времени. То, что маме за сорок, не замечал никто.

– Я первый раз наблюдала видение бабушки Мэдди, – сказала я.

– В первый раз у неё видение во время ужина, – ответила мама. Теперь она как раз наносила крем на кисти рук и втирала его. Она всегда уверяла, что возраст человека легко определить по коже на руках и шее.

– А можно к её видениям относиться всерьёз?

Мама пожала плечами:

– И да, и нет. Ты же сама слышала, как запутанно она говорит. Но почему-то её видения всегда подходят к какой-нибудь ситуации. За три дня до смерти дедушки у неё тоже было видение. О чёрной пантере, которая прыгнула ему на грудь.

– Дедушка умер от сердечного приступа. Всё подходит.

– С её видениями всегда так. Хочешь тоже руки помазать?

– А ты в них веришь? Я не о руках, а о видениях бабушки Мэдди.

– Я верю, что бабушка Мэдди действительно видит то, о чём говорит. Но это ещё вовсе не значит, что она тем самым предсказывает будущее. Или что-то другое.

– Не понимаю! – я подставила маме руки, а она начала втирать крем.

– Это, девочка моя, почти как с привидениями. Я убеждена, что ты их видишь, так же, как я верю тёте Мэдди, что видения у неё бывают.

– Значит, хотя ты и веришь в то, что я вижу привидений, это вовсе не значит, что они есть на самом деле? – крикнула я и возмущённо убрала руки.

– Я действительно не знаю, существуют ли привидения, – сказала мама. – Но это не имеет ровно никакого значения, что я там сама себе думаю.

– Но если представить, что их нет, то это значит, что я всё выдумала! А это значило бы, что я сошла с ума!

– Нет, – сказала мама, – это просто значило бы, что... доченька, я и сама не знаю. Иногда у меня такое чувство, что в этой семье все большие фантазёры. И мы жили бы гораздо спокойней и счастливей, если бы ограничились только тем, во что верят нормальные люди.

– Понимаю, – сказала я. Наверное, некстати было бы выбалтывать сейчас маме все последние новости: «Эй, мам, сегодня после обеда мы побывали в прошлом – я и моя ненормальная фантазия!»

– Не обижайся, пожалуйста, – сказала мама. – Я знаю, что есть вещи на свете, которые мы не можем объяснить. Но, возможно, мы придаём им слишком большое значение, и очень часто над ними задумываемся. Ни тебя, ни тётю Мэдди я не держу за сумасшедших. Но скажи честно: ты правда веришь, что её видение как-то связано с твоим будущим?

– Наверное...

– Вот как? У тебя в ближайших планах – забраться на башню, сидеть там рядом с часами и болтать ногами?

– Конечно, нет. Но, наверное, это какое-то иносказание.

– Может, да. А может, и нет. Только сейчас, девочка моя, давай-ка спать. День сегодня был длинный, – она поглядела на часы у изголовья кровати.

– Надеюсь, с Шарлоттой это скоро случится. О, как же я хочу, чтобы у неё наконец-то всё произошло!

– А может, у Шарлотты тоже слишком богатая фантазия, – сказала я, встала и поцеловала маму в щёку.

Завтра попробую ещё раз. Возможно.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, хорошая моя. Я тебя люблю.

– И я тебя, мама.

Когда я закрыла дверь своей комнаты и залезла под одеяло, то почувствовала себя ужасно. Я знала, что должна была всё рассказать маме. Но то, что она сказала, кажется, тоже имело смысл. У меня действительно была бурная

фантазия. Только одно дело – фантазировать, а совсем другое – уверить себя, что ты путешествуешь во времени.

Люди, которым такое кажется, лечатся обычно в специальных заведениях.

И хорошо, что лечатся. Может, я одна из тех, кто рассказывает, как их забирали инопланетяне. Может, я просто свихнулась.

Я выключила настольную лампу и поудобней свернулась под одеялом. Что хуже, сойти с ума или вправду прыгать во времени?

Наверное, всё же последнее. От первого хотя бы таблетки помогают.

В темноте мне снова стало страшно. Снова я подумала о том, с какой огромной высоты я бы падала отсюда до земли, потом опять включила лампу и отвернулась к стене. Я попыталась размышлять о чём-нибудь простом, безобидном, чтобы заснуть. Но это никак не удавалось. Наконец, я начала считать от тысячи до единицы. Должно быть, я всё-таки заснула, потому что увидела во сне огромную птицу. Я резко вскочила, сердце бешено стучало.

Оно вернулось – это чувство, когда в животе всё сжимается и переворачивается. В панике я спрыгнула с кровати и побежала вниз, в комнату к маме. Колени мои дрожали.

Мне было всё равно, посчитает она меня сумасшедшей или не посчитает, я только хотела, чтобы это чувство ушло. К тому же, мне совсем не хотелось свалиться с высоты третьего этажа прямо в болото!

Я едва успела добежать до коридора, как что-то сбило меня с ног. В полной уверенности, что песенка моя спета, я крепко зажмурилась. Но упала я всего лишь на колени, пол остался там же, а под ногами был тот же знакомый паркет.

Я осторожно открыла глаза. Стало гораздо светлее, как будто за прошедшие три секунды вдруг резко рассвело.

Вначале я надеялась, что ничего не случилось, но потом увидела, что коридор, где я очутилась, выглядел совсем по-другому. Стены – тёмно-оливкового цвета, а

на потолке не было ни единой лампы.

Из комнаты Ника донеслись голоса. Женские голоса.

Я быстро поднялась с колен. Если бы меня сейчас кто-то увидел! Как бы я, интересно, объяснила, откуда я тут взялась? В пижаме с вышитым котиком из Хэллоу Китти.

– Не могу я больше так рано вставать! – сказал первый голос. – Вальтеру позволено спать до девяти. А нам? Я бы уж лучше осталась в деревне и доила бы своих коров дальше.

– Вальтер полночи на службе, Кларисса. Ты чепчик криво надела, – сказал второй голос. – Заправь хорошенько волосы, а не то рассердишь миссис Мейсон.

– Она всё равно рассердится, – пискнул первый голос.

– Есть экономки и поостроже, дорогая моя Кларисса. Пойдём скорей, мы уже опаздываем, Мэри уж четверть часа как спустилась.

– Да. И даже успела заправить кровать. Всегда прилежная, всегда чистоплотная. Точно такая, как желает миссис Мэйсон. Но она неспроста так старается. Ты щупала её одеяло когда-нибудь? Оно совсем мягкое, так нечестно!

Я должна была срочно смываться. Но куда? Хорошо, что я хотя бы знала, где что находится в этом доме.

– Моё одеяло страшно колется, – пожаловался голос Клариссы.

– Зимой только рада будешь, что оно у тебя есть. Пойдём скорей!

Дверная ручка повернулась. Я ринулась к встроенному шкафу, распахнула дверцу и забралась вовнутрь. В тот же момент открылась дверь комнаты Ника.

– Я только одного не могу понять: почему моё одеяло колется, а Мэри досталось мягкое, – сказал голос Клариссы. – Здесь всё так несправедливо. Бетти разрешается ездить с леди Монтроуз в деревню. А мы должны всё лето

прозябать в душном городе.

– Тебе бы следовало меньше капризничать, Кларисса.

Я могла только согласиться со второй женщиной. Эта Кларисса была жуткой капризулей. Я услышала, как обе они спустились по лестнице, и вздохнула с облегчением.

Ещё чуть-чуть, и могла бы не успеть. Как хорошо, что я знала этот дом как облупленный. Но что делать теперь? Сидеть в шкафу и ждать, пока меня унесёт обратно? Это, наверное, был самый безопасный вариант. Я скрестила руки и приготовилась.

Вдруг мне показалось, что в темноте кто-то стонет. Я окаменела от страха. Это ещё что такое?

– Кларисса, это ты, что ли? – спросил кто-то из недр шкафа. Это был мужской голос. – Я что, проспал?

В нашем шкафу действительно кто-то спал! Что ещё за порядки!

– Кларисса! Мэри! Кто здесь? – спросил голос. Чувствовалось, что он уже совсем проснулся. Кто-то закопошился в темноте. Чья-то рука пошарила вокруг и неожиданно схватила меня за спину. Я не стала дожидаться, пока меня совсем заграбастают, а скорей открыла дверцу и выскочила.

– Стоять! Стоять, кому говорят!

Я быстро оглянулась. Молодой мужчина в длинной белой ночной рубаше выскочил из шкафа и погнался за мной.

Я побежала вниз по лестнице. Где бы спрятаться? За моей спиной гремели шаги обитателя шкафа, при этом он громко ревел: «Держите воровку!»

Воровку? Я, кажется, ослышалась! Что это, интересно, я бы там у него украла такого? Спальный колпак, разве что.

Хорошо, что эти ступеньки я знала наперечёт. Каждую-каждую ступеньку. Я со скоростью света преодолела два этажа, пронеслась мимо картины с пра-пра-пра-пра-прадедушкой Хью, и с сожалением побежала дальше. Потайная дверь была бы отличным выходом из этой глупой ситуации.

Но механизм всегда немного заедал, и пока я копалась бы с дверью, мужчина в ночном халате легко схватил бы меня. Нет, мне нужно укрытие получше.

На втором этаже я чуть не сбила с ног девочку в чепчике. Она громко пискнула и выпустила из рук кружку, прямо как в сцене из какого-то фильма. Содержимое кружки вместе с осколками оказалась у нас под ногами.

Я надеялась, что мой преследователь тоже, как в фильме, поскользнётся и упадёт. В любом случае, он не так-то быстро пробежит мимо.

Этот манёвр я использовала, чтобы сбежать по лестнице к оркестровой яме. Я рывком открыла дверцу в маленькую каморку под лестницей и свернулась там, как могла.

В моё время здесь тоже было полно пыли, мусора и пауков. Сквозь щели ступенек в каморку проникало немного света. Его было достаточно, чтобы видеть – по крайней мере в этом шкафу никто не спит. Как и у нас, дальний угол был забит всяким хламом.

Надо мной раздались громкие голоса. Мужчина в ночном халате общался на повышенных тонах с бедной девочкой, которая выронила кружку.

– Определённо – воровка! Я её в этом доме раньше не видала.

Ей вторили другие голоса.

– Она побежала вниз. В доме наверняка орудуют ещё воришки из её шайки!

– Я не смогла ничего поделаться, миссис Мэйсон. Эта воровка просто накинулась на меня. Они, наверное, решили украсть драгоценности хозяйки.

– Мне никто навстречу не бежал. Значит, она где-то здесь. Закройте входную дверь и обыщите дом, – скомандовал энергичный женский голос. – А вы, Вальтер, ступайте наверх и наденьте что-нибудь приличное. Вид ваших волосатых ног – не самое лучшее начало дня.

О ужас! Ребёнком я часто пряталась в этой каморке, но никогда ещё я так не боялась, что меня могут обнаружить. Осторожно, чтобы не издать ни звука, я втиснулась подальше в старый хлам. По моей руке пробежал паук, я еле удержалась, чтобы не завизжать, такой он был огромный.

– Лестер, мистер Дженкинс и Тод, вы обыскиваете первый этаж и подвалы. Мэри и я прочёсываем второй этаж. Кларисса дежурит у запасного выхода. Хелен – у главного.

– А если она выберется через кухню?

– Тогда ей сначала придётся повстречаться с миссис Крейм и её чугунными сковородками. Проверьте все каморки под лестницей, загляните за всё портьеры и шторы!

Я совсем растерялась.

Вот чёрт. Это всё было совершенно – невозможно! Я сидела в пижаме среди толстых пауков, пыльной мебели и.... фу-у-у-у-у, это что, выпотрошенный крокодил? Так вот, я сидела в коморке и ждала, что с минуты на минуту меня схватят за кражу имущества. А всё потому, что где-то произошла ошибка, и Исаак Ньютон промахнулся.

От негодования и беспомощности я заплакала. Может, эти люди посочувствуют и отпустят меня, если найдут в таком состоянии. В темноте насмешливо мерцали крокодильи глазки. Всюду слышны были шаги. Пыль летела изо всех щелей и забивалась в глаза.

Но вдруг я снова почувствовала, что в животе крутит и тянет. Никогда ещё я не была этому так рада, как теперь.

Крокодил исчез, всё вокруг завертелось. Снова стало тихо. И темным-темно.

Я глубоко вздохнула. Не паниковать! Скорее всего, я прыгнула назад в своё время и сидела теперь, крепко зажатая пыльным хламом своего времени. Здесь, однако, тоже было достаточно толстых больших пауков.

Что-то едва заметно коснулось моего лица. Вот теперь можно и понервничать! Я неистово замолотила руками по воздуху и вытащила ноги из-под комода. Он скрежетал, доски трещали, старая лампа опрокинулась на пол. Вернее, мне показалось, что это была лампа, ведь ничего не было видно.

Но мне удалось освободиться. На ощупь я подползла к двери и выбралась из укрытия. За стенами чулана тоже было темно, но можно было различить контуры перил, высоких окон, мерцающих люстр. И контуры человека, который шёл на меня. Луч фонарика слепил глаза.

Я открыла рот, чтобы закричать, но не успела выдать из себя ни звука.

– Вы что-то хотели найти в чулане, мисс Гвендолин? – спросил человек. Это был мистер Бернхард. – С удовольствием окажу любую помощь в ваших поисках.

– Э... я... в общем... – от страха у меня всё ещё перехватывало дыхание. – А вы что тут делаете?

– Я услышал шум, – сказал мистер Бернхард голосом, полным достоинства. – Вид у вас немного... запыленный.

– Да, – вид у меня действительно был пыльный, расцарапанный, зарёванный. Я растерянно размазывала по щекам слёзы.

Мистер Бернхард рассматривал меня своими совиными глазами при свете карманного фонарика. Я заносчиво окинула его взглядом. Нам что, запрещается по ночам сидеть в шкафу? А раз нет, то мистера Бернхарда подробности дела не касаются.

Интересно, спит он тоже в очках?

– До утра ещё два часа, – проговорил, наконец, мистер Бернхард. – Рекомендую вам провести их под одеялом в своей комнате. А я поднимусь к себе и тоже

немного отдохну. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мистер Бернхард, – сказала я.

Глава пятая

Хроники Хранителей 12 июля 1851 года

Несмотря на тщательный обыск дома, воровку, которую видели рано утром в доме лорда Горацио Монтроуза (Внутренний Круг) в замке Бурдон, обнаружить не удалось. Вероятно, ей удалось вылезти через окно в сад.

Экономка, миссис Мейсон, составила список похищенных вещей. Столовое серебро и драгоценные украшения леди Монтроуз, среди них кольцо, подаренное герцогом фон Веллингтоном матери лорда Монтроуза.

Леди Монтроуз на данный момент проводит время в сельской местности.

Отчёт: Дэвид Лойд, адепт второго уровня.

– Вид у тебя убитый, – заметила Лесли на перемене. Мы вышли во двор школы.

– Если б ты только знала, как ужасно я себя чувствую.

Лесли взяла меня за руку:

– Но даже эти круги под глазами тебе идут, – она попыталась хоть как-то взбодрить меня. – А глаза у тебя из-за них кажутся даже голубее.

Я не могла не улыбнуться. Какая же Лесли всё-таки милая! Мы сидели на лавочке под каштаном и шептались. Говорить громко не получалось, потому что прямо за нами примостилась Синтия Дейл со своей подружкой. А с другой стороны пицалка-басилка Гордон Гельдерман и двое других мальчишек из

нашего класса спорили о футболе. Мне не хотелось, чтобы они слышали нашу с Лесли беседу. Я и так казалась им более чем странной.

– Ах, Гвен! Тебе надо было всё же поговорить с мамой!

– Ты повторяешь это раз, наверное, пятидесятый за день.

– И ещё раз повторю! Ведь правда же. Не могу понять, почему ты этого не сделала!

– Да потому что... честно говоря, я и сама не знаю. Я всё ещё немножко надеялась, что это не повторится.

– Взять хотя бы твоё ночное приключение – ведь произойти могло что угодно! А пророчество твоей бабушки: оно может означать только одно – ты в большой опасности. Часы – это путешествия во времени, высокая башня – это опасность, а птицы... эх, не надо было тебе её будить! Может, она выдала бы ещё что-то интересное. Я постараюсь разведать как можно больше сегодня после уроков: ворон, сапфир, башня, рябина. Я наткнулась в Интернете на одну страничку, кстати, довольно неплохую. Там описаны всякие необъяснимые явления. А ещё у нас теперь целая куча книг про путешествия во времени. И фильмов. «Назад в будущее», с первой по третью часть. Может, нам оттуда тоже что-нибудь пригодится.

Я с удовольствием вспомнила, как весело обычно валяться у Лесли на диване и пересматривать фильмы. Иногда мы выключали звук и сами говорили вместо героев.

– У тебя голова кружится?

Я отрицательно покачала головой. Сейчас я испытала на собственной шкуре, каково приходилось Шарлотте последние несколько недель. Эти вопросы кого хочешь с ума сведут. Плюс я постоянно прислушивалась к собственным ощущениям и каждую секунду ждала нового головокружения.

– Если бы только знать, когда это случится снова, – сказала Лесли. – Это так нечестно, Шарлотту готовили-готовили, а тебе теперь отдуваться.

– Вот уж не знаю, что бы на моём месте сделала Шарлотта, если бы сегодня ночью её так же, как и меня, преследовал этот дядька в ночнушке, – сказала я. – Что-то не верится, что фехтование и танцы хоть сколько-нибудь помогли бы в такой ситуации. Жаль, конечно, но и коня, чтобы погарцевать вокруг, там и в помине не было.

Я захихикала, представив себе, как Шарлотта вместо меня бежит по дому, спасаясь от дикого Вальтера-из-шкафа. Может, она бы вытащила из стены шпагу и устроила бедной прислуге порку по-шарлоттински.

– Нет же, дурочка ты. Но всего этого не произошло бы, потому что она просто перелетела бы куда-нибудь в другое время с помощью хронографа. Давай, рискуй дальше собственной жизнью, вместо того, чтобы рассказать семье, что не ту они учили все эти годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Timeless (англ.) – вневременный, вечный (прим. ред.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kerstin-gir/rubinovaya-kniga>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)